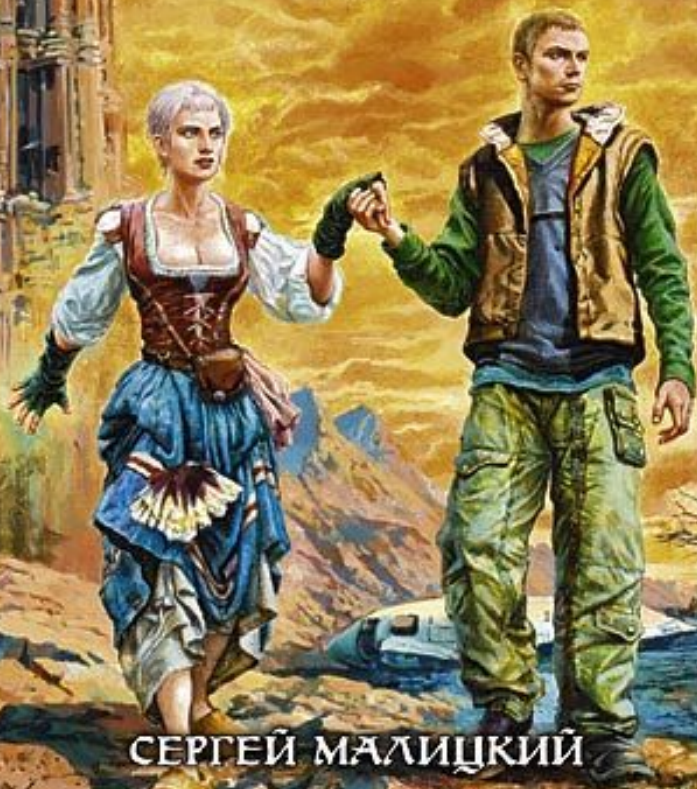

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ

КОМПРЕССИЯ

Сергей Малицкий

Компрессия

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163141

Компрессия: Альфа-книга; М.: 2007
ISBN 978-5-93556-973-0

Аннотация

Когда герой осознает, что его движениями руководит невидимый кукловод, он должен или оборвать нити, или сам стать кукловодом для скрытых во тьме рук. Главное – не забывать, что попавшему в паутину резкие движения противопоказаны.

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	15
5	21
6	24
7	26
8	29
9	34
10	36
11	51
12	57
13	76
14	83
15	90
16	99
17	107
18	116
19	123
20	133
21	139
22	141
23	147

Сергей Малицкий

Компрессия

1

Рокки уводил Сиф. Уводил по узкой улочке между газонами университетского городка, между сонными в утренний час двухэтажными скворечнями коттеджей, между брошенными где попало, размаляванными в дикие цвета купе. Пешеходная лента дробилась на матовые шестиугольники псевдограва, и Сиф шла по ним босиком.

«Откуда здесь псевдограв? – недоумевал Кидди. – Это же не лунная станция, не коридор лайнера? Неужели у одного из отпрысков богачей, которых изредка заносит в академию, хватило безумия и денег на изощренную шутку над сокурсниками? Прижать их, сонных, поутру к пешеходной дорожке двойной силой тяжести или, напротив, лишить веса и заставить кувыркаться в воздухе? Как шутник сумел запитать такую площадь? И откуда здесь Сиф? И почему Рокки?»

Стиснув твердыми пальцами безвольную руку Сиф выше локтя, Рокки уводил ее. Кидди смотрел вслед странной паре и не пытался протестовать, настолько нелепо это выглядело. Даже Миха, который сузил туннель, ведущий в прекрасную половину человечества, до силуэта собственной жены, смот-

релся бы рядом с Сиф более естественно. Кто угодно, только не Рокки, он был едва знаком с ней. Рокки не существовал для нее, но именно он, плечистый и строгий коротышка, держал Сиф так, словно она принадлежала ему безраздельно.

– Что же ты смотришь, идиот? – грубо толкнул в плечо Кидди Миха.

– Иди к черту! – с досадой процедил сквозь зубы Кидди и попытался сделать ненужный, бессмысленный, глупый шаг вперед.

Тяжесть накатила от затылка и потянула его к земле. Дыхание сбилось, колени задрожали, в глазах потемнело, и Кидди понял, что не двинется с места. Порвется на части, переломает себе кости, если сделает хотя бы шаг!

– Ну! – захрипел рядом Миха. – Ну!

«Потом», – поплыл в темноту Кидди и вдруг подумал, что Сиф и в самом деле уходит, и уходит именно теперь! Ни тогда, когда перестала смотреть ему в глаза, ни тогда, когда прокричала ему очевидную глупость, ни тогда, когда неуклюжее купе вместе с запрыгнувшей в него Сиф превратилось в огненный, испепеляющий самое дорогое цветок, а именно теперь! Теперь, и если она уйдет, то уйдет навсегда: и из воспоминаний, и из так и не заполненных симуляторов, и из разговорника – отовсюду! И пугаясь почти уже забытой пустоты, которая вновь начала пожирать его изнутри, Кидди сумел шевельнуться, сделал тяжелый вдох и заорал вслед удаляющейся паре:

– Сиф! Ты куда?!

Но обернулась не она. Как он мог перепутать? Они же совсем разные. Да и не было никогда у Сиф безвольной руки! Как он мог перепутать Сиф и Монику?

Миха зарычал от напряжения, скривил в гримасе и так уже искаженное болью лицо и все-таки сделал шаг. Шестиугольники загудели у него под ногами, и Миха упал. Он грохнулся на колени, загремел как мешок с костями, распластался укутанным тканью студнем, но, продолжая рычать или скулить, все-таки пополз вперед, туда, где в утреннем тумане уже таяли силуэты Рокки и Моники.

«Вот и разбирайся», – с облегчением подумал Кидди.

– Майор! – раздался над ухом мелодичный голос. – Вы просили разбудить перед посадкой! Уже скоро!

Кидди открыл глаза, раздраженно дернулся в невидимом коконе, с трудом вытащил из стюард-панели влажную салфетку и с облегчением стер с лица терпкость недолгого сна. Промелькнувшее видение выбило его из привычной колеи. Уж чего он не ожидал, так это снов. Их не было никогда, и ничто не предвещало их появления теперь. Неужели столь взволновала встреча с Землей? Проводница уже убежала в конец салона, пассажиры напряженно молчали, уставившись в мониторы, на которых развеивались облака, истаявала голубоватая дымка и Земля обретала цвет и фактуру. Защищая живую плоть от перегрузок, чуть слышно журчали стабилизаторы, и весь огромный корпус парома бесшумно подрагивал, словно дрожала рука гиганта, опускающего затейливое устройство в раковину космопорта. Кидди поднял руку, вновь почувствовал зафиксировавшее запястье поле и еще раз провел ладонью по лицу.

– Нервничаете? – участливо шевельнулся осточертевший сосед. – Вы кричали во сне. Звали какую-то Сиф. Я вам как заядлый путешественник говорю: катастрофа парома – событие из разряда невозможных! Эта модель используется уже пятнадцать лет и до сих пор не вызвала никаких нареканий! Да и... в любом случае нам ничто не грозит! Земной опекун практически не дает сбоев. У него все под кон-

тролем! Кстати, сейчас отлаживается система опекуинства на Марсе. На очереди Луна. Я представлялся уже? Меня зовут Хаменбер! Ол Хаменбер!

– Я помню, – с досадой пробормотал Кидди.

– Несколько слов! – жалобно вытянул губы толстяк, активируя браслет чиппера. – Для моего канала! Простите за назойливость, но я отправился на Луну только из-за возможной беседы с вами! Сжальтесь над мерзким журналюгой! Мне пришлось переплатить за билет вдвое, чтобы оказаться рядом с вами! Я помню, что вы не терпите пустомельства. Если бы вы только знали, какое шоу я могу вам предложить! И вам вовсе не придется стоять на голове или выдумывать небылицы! Я все равно не отстану, давайте договоримся теперь, пока до вас не добрались мои настырные коллеги!

– Вряд ли я смогу хоть чем-то помочь вам или вашим коллегам, – процедил Кидди, ожидая, когда отключится силовой кокон кресла.

– Сможете! – заерзал в кресле Хаменбер. – И не только помочь, но и зачерпнуть изрядную порцию славы! Денег, наконец! Извините за оправданный пафос! Расскажите о компрессии. Неужели вы все еще не поняли, что ваша рука изменила наш мир?

– Капля точит камень, – закрыл глаза Кидди и продолжил после паузы: – Но превозносить последнюю каплю из миллионов за то, что она пробила камень насквозь, – глупо. Вам бы следовало обратиться к разработчикам... компрессии.

– Отлично! – не унимался Хаменбер. – Могу я попросить, чтобы вы расшифровали, что в вашей метафоре обозначает камень? Незыблемость уклада? Государственный строй? Миропорядок? Закостенелость обывателя? И кем были те прежние капли? Какими были те прежние капли? Кто был первой каплей? О каких разработчиках вы говорите? Об Уильяме Буардесе, который изобрел компрессию? Его уже давно нет с нами! Кто сейчас стоит за мощью корпорации? Вы видели первых компрессанов? Они произвели на меня жуткое впечатление! Я предлагаю вам поговорить с ними в студии! О! Безопасность будет гарантирована!

Паром качнуло, рассловоохотившийся Хаменбер испуганно прикусил язык и вцепился в подлокотники. Пассажиры подались вперед, стабилизаторы разжали невидимые тиски, и по салону прокатился облегченный вздох, сменившийся аплодисментами. Ничем не отличаясь по физическим параметрам от искусственного подобия, притяжение родной планеты напомнило крепкое рукопожатие близкого человека. «Телопожатие», – подумал Кидди, подхватил фуражку, кивнул соседу и нырнул в арку служебного коридора.

Она ждала его на краю парковочной площадки со стороны технической зоны. На Моники было то самое платье, в котором она вместе с Михой провожала Кидди на Луну. Красное, схваченное шнуровкой под грудью, свободное, мягкое и одновременно скользкое на ощупь, чем-то напоминающее ветер в тот день. Он дул со стороны озер и доносил через площадь поздний осенний запах влажного тростника. Кидди стоял на ступенях, ежился от холода, слушал болтовню Михи, смотрел на его руку, которой тот крепко держал жену за талию, и думал о Сиф. Черт возьми, восемь лет прошло, а он все еще помнит тот день до мельчайших подробностей.

– Привет. – Моника чмокнула его в щеку, смахнула с головы и бросила на сиденье фуражку, взъерошила короткие волосы. – Тебе идет форма. Садись. Едва не опоздала. Все-таки удобно иметь дом недалеко от космопорта.

Запах был все тот же – горькая ваниль. Вечный брюзга Брюстер, когда Миха не слышал, повторял, что горькой ванили не бывает, что горькой может быть только порченная ваниль, что запах ванили годится для выпечки, а не для женского тела и его больше прельщает запах свежести, поэтому он и свою жену Ванду, подружку Моники, которая была ванильной и по фигуре, и по запаху, безжалостно отучил от мерзкого аромата. Томас Брюстер недолюбливал Монику

за то, что она превратила отличного парня Миху Даблина в безнадежно влюбленного остолопа, напирая на слово «безнадежно». Или не любил Кидди, раз уж заводил при нем такие разговоры. Кидди никогда не спорил с Брюстером, для которого брюзжание было способом общения с миром, тем более что Кидди и сам предпочитал запах свежести. Да и не стоило рассказывать кому бы то ни было, что запах горькой ванили жил у Моники только на висках и у ключиц, а под платьем, как и должно, – свежесть, а сверх того мягкость и нежность. Интересно, догадывался ли об этом Миха, и какой его жена была для него самого? Впрочем, какая разница?

– Ну? – надула она губы. – Или у тебя другие планы? Как насчет нескольких глотков настоящего кофе?

Именно этого Кидди не хотел. Утрамбованная прошедшими годами тоска проснулась в груди и ухватила за горло. Если теперь он сядет рядом с Моникой, то начнет возвращаться туда, откуда сбежал несколько лет назад. Зачем? Сейчас он покачает головой и расстанется с прошлым уже навсегда.

– Садись! – упрямо сжала губы Моника. – Фуражку не отдам.

– Жаль фуражку, – пошутил Кидди и сел рядом.

– Восемь лет прошло. – Моника ожидала, когда небо очистится от взлетающих купе.

– Я считал, – кивнул Кидди. – Откуда узнала, что я буду? Я даже отцу не сообщил!

– Удивлен? – Она повернулась, и Кидди тут же разглядел на заострившихся скулах и подсохших губах прошедшие восемь лет. – Все просто. Ты ведь теперь знаменитость? Из-за кого вестибюль космопорта заполнен журналистами? По любому каналу в каждом выпуске новостей информация об этой твоей компрессии, интервью с первыми компрессантами. Твоя короткая пресс-конференция. И что же теперь? Убегаешь от славы? Напрасно. Тебе не избежать общения с этой братией. Если только сегодня, и то благодаря мне. К счастью, в отличие от меня, журналисты пока не знают, насколько ты скрытный тип!

– Ты не изменилась! – постарался улыбнуться Кидди.

– Надеюсь, ты тоже, – Моника отвернулась и потянула рычаг на себя.

Купе резко пошло вверх, Кидди вдавило в спинку кресла, он поморщился, но, взглянув на Моника, все-таки сумел улыбнуться по-настоящему. Жена Михи была почти прежней, такой, какой он помнил ее до Сиф. Кидди захотел было расспросить Моника о ребятах, но не стал. Ее пальцы остановили. Купе летело над верхушками вязов на автопилоте, но ее пальцы на рычаге побелели так, словно оно падало в пике.

– Выше, – попросил Кидди, и автопилот послушно потащил купе вверх.

Моника промолчала, и Кидди понял, что давняя связь с женой друга, связь, которую он проклинал, которая сломала

его жизнь, копилась все это время в пустоте между Землей и Луной и теперь стремительно разматывается и сокращается. Вопрос был в одном: хватит ли ее остатка до укрытого зеленью близкого коттеджа Михи или нет?

– Ты не соскучился? – спросила она не поворачиваясь.

– Не знаю. – Он вспомнил ставшее привычным звездное небо без Земли. – Пока не знаю. Но уж в том, что Луна мне опостылела, уверен.

– Вы слышите меня?

Заключенный сидел в пяти шагах. Утомленно откинутая голова, вялые пальцы на подлокотниках, безвольно вытянутые ноги не могли скрыть, что их обладатель, как зверь перед прыжком, способен собраться в мгновение. Несколько пострадавших еще на Земле полицейских сначала пожалели о собственной расслабленности, а после – о том, что не сумели уничтожить наглеца при повторной поимке. Он выжил и получил пожизненное заключение. После суда конвой не рискнул отправлять подопечного к месту отбытия наказания обычным порядком, и тот был доставлен в зону «Обратная сторона» усыпленным. Спящий негодяй – это лучшее, что могла представить себе тюремная администрация, но уготованная заключенному доля не предполагала бесконечного сна. Пока еще не предполагала. Поэтому разбирайся старший инспектор лунных тюрем с безнадежно испорченным, только что пробужденным плодом человеческой цивилизации. Разбирайся хорошо, есть надежда, что на этом отбросе твоя затянувшаяся вахта подойдет к концу.

Заключенный сидел неподвижно. Руки и ноги преступника были зафиксированы полем, кресло накрыто невидимым непроницаемым колпаком. Даже за излишне громкий голос новый обитатель образцовой лунной тюрьмы получил бы бо-

лезненный укол в шею, а при любом резком движении был мгновенно парализован, но Кидди было не по себе. Вышагивая по холодному карантинному залу, он с трудом сдерживал дрожь в пальцах и голосе. После того, что Кидди увидел в материалах дела, его восьмилетний опыт воспитания собственной выдержки почти спасовал. Эксперты постарались: убийства, совершенные зверем в человеческом обличье, были смоделированы с предельным натурализмом. Именно поэтому только старший инспектор имел доступ к судебным файлам. Остальным сотрудникам базы знакомиться с ними не следовало. Не хватало еще служебного расследования по поводу превышения ими должностных полномочий с летальным исходом для нового бессрочника. Для настороженности охранникам достаточно было красной, посеченной светящимися полосами робы и недоброй славы, которая опережала нежеланного гостя. Впрочем, еще неизвестно, для кого возможный исход конфликта стал бы летальным.

– Вы слышите меня?

– Слышу, – шевельнулись плотные узкие губы.

– Вы понимаете, что я вам предлагаю?

– Опыт хочешь на мне провести, тюремная крыса? Зачем тебе мое согласие? Убивай. Оформишь как несчастный случай. Или попытку бегства. Поиграем?

Заклученный говорил тихо, но каждое слово отпечатывалось у Кидди в голове.

– Вы не понимаете, – кивнул Кидди и тоже опустил в

кресло. – Знаете, какова у нас тут средняя продолжительность жизни осужденного?

– Какая разница?

Рот открывался, но слова казались чужими. Они словно не принадлежали похожим на кромки пластика губам.

– Для меня никакой, – согласился Кидди и коснулся блока файла. – Для вас, Ридли Бэнкс, есть разница. Условия содержания тут... сложные. Особенно для тех, кто в красных робах. Прожить десять лет и не сдохнуть – очень тяжело. И это при предельно корректном персонале. Среда... обитания и образ занятий не располагают к долгожительству. Больше двадцати лет не протянул еще никто. Почти никто. Согласитесь, что двадцать лет – это меньше, чем пожизненное заключение. Хотя, каждому по делам его...

– Какая разница? – все так же безучастно повторил Ридли и с усмешкой закатил глаза. – Все равно сдохну. Что здесь ад, что там. Если он вообще есть...

– И все-таки разница существует, – преувеличенно бодро заявил Кидди. – Двадцать лет – это срок, через который всякий бессрочник имеет право на просьбу о помиловании.

– И многим его давали? – сузил глаза заключенный.

– Никто не доживал, – отчеканил Кидди. – Пока никто не доживал. Почти никто.

– Я долго не протяну, – вновь расслабился Ридли. – Да и не верю, что меня помилуют и через пятьдесят лет. И через сто лет не забудут! Я очень старался, чтобы не забыли!

– Не забудут, – сухо произнес Кидди. – И через двадцать лет не помилуют. Но лет через сорок – почему нет? Да, на Землю вам уже не пробраться, но вы бы смогли остаться на Луне, завербоваться на Марс, на спутники. Начать новую жизнь. Или хотя бы спокойно завершить старую.

– Через сорок? – усмехнулся Ридли. – Если только вы продержите меня в холодильнике. Чтобы потом я оттаял на Марсе и там же сгнил?

– А если доживете? – прищурился Кидди. – Если через сорок лет вы будете точно в такой же форме, как сейчас? Более того, если эти сорок лет вы проведете в некоем уединенном месте, где не будет жестоких тюремщиков, где не будет облучения, дурной смеси для дыхания, перепадов гравитации, где вам не придется изнашивать тело непосильной работой, где вы будете сыты?

– Что за место такое? – презрительно оттопырил губу заключенный. – Новую тюрьму отгрохали? Откуда не только Землю, но и Солнца не видно? Плевал я и на Землю, и на Солнце! Что за место такое?

– Здесь! – постучал себя по лбу Кидди. – В вашей голове! Вы уснете и увидите сон. Длинный сон. Длиной в двадцать лет. Проснетесь. Убедитесь, что здесь прошел всего лишь один или два дня, подадите просьбу о помиловании, а потом уснете еще на двадцать лет. Здесь пройдут еще два дня. Предположим, что случится невозможное и комиссия все-таки не помилует вас! Вы уснете еще на двадцать лет, за

которые здесь опять же пройдут только два дня, а затем станете свободным человеком. Шестьдесят лет – физический максимум заключения! И на все про все – неделя!

– Неделя? – поднял брови Ридли. – Неделью поспать и освободиться?

– Неделью, – кивнул Кидди. – Здесь пройдет неделя, а во сне – столько, сколько нужно. Новая система. Программа называется – компрессия. Предназначена для того, чтобы освободить тюрьмы, персонал. Государству нужны люди. Корпорациям нужны люди. Свободные люди! Не только исправившиеся преступники. Знаете, сколько офицеров, специалистов служит в зонах? Компрессия перевернет нашу жизнь. К тому же она позволит избежать страданий родным преступников, у кого они есть. Представляете? Осужденный возвращается к собственным детям через неделю! Здоровый, крепкий и в то же время отбывший самое строгое наказание, перевоспитавшийся! Конечно, не все родные жаждут скорейшего возвращения бывшего преступника домой, поэтому пока компрессия применяется только с их согласия, но ведь вы одиноки? Не так ли?

– Болвана нашел? – скрипнул зубами Ридли. – На мясо пустить хочешь? Отчего я не слышал ничего об этой... компрессии?

– На мясо ты пойдешь, если не согласишься, – резко поднялся Кидди и подошел к окну, за которым раскинулась изрезанная резкими тенями поверхность лунного моря Сми-

та. – Сдохнешь, но не сразу. Лет через десять. Да, некоторый риск есть. Но компрессия испытана, и испытана успешно. Кое-кто уже получил свободу. Правда, сроки у них были пока небольшие – до десяти лет. С большими сроками мы еще не работали.

– Где пролом, начальник? – процедил сквозь стиснутые зубы Ридли. – Я тебе не мальчик из колледжа! Говори, где пролом?

– Ты не понял.

Кидди обернулся, шагнул к Ридли.

– Ты не понял. Для тебя там, – он вновь постучал себя пальцем по лбу, – все будет по-настоящему. По-настоящему долго!

Внизу утренним отблеском сверкнуло озеро, пробежала полоса тростника, замелькали между соснами черными квадратами экономкрыши. Купе наклонилось, снизило скорость и, скользнув днищем по раскидистым кронам, опустилось на газон.

– И здесь почти ничего не изменилось! – весело объявила Моника и выхватила из-под руки Кидди фуражку, словно именно она могла удержать ее гостя, привязать его хотя бы на время к коротко выстриженной траве, к золотым соснам, к скользящим по их стволам солнечным лучам и к белым наличникам знакомого, вдруг показавшегося маленьким и холодным домика.

«Миха в отъезде», – подумал Кидди, потому что шезлонги стояли у стены сложенными и мячи не валялись на траве, а скромно висели у двери в сетке. Сколько уже Моника с Михой? Лет десять? На каком курсе Миха сумел склонить ее к замужеству? На шестом? А когда она оставила попытки его перевоспитать? Миха тем и отличался, что его присутствие невозможно было скрыть, даже если он исчезал на день или два. Под ногами путались мячи, которые Миха обожал, всюду лежали книги, одежда, обувь, в холодильнике обязательно засыхал небрежно надкушенный бутерброд, на столе темнело съеденное наполовину яблоко, а по комнатам металась ка-

кая-нибудь древняя музыка. Нет мячей и музыки – нет Ми-
хи. Опять умчался по каким-то делам. И ребенка они с Мо-
никой, судя по всему, так и не родили. Может быть, окажись
Миха чуть жестче, и у его неверного друга жизнь сложилась
бы по-другому?

Кидди вдохнул наполненный запахами леса воздух и топ-
нул ногой, все еще не веря, что опирается не на лунный или
лайнерный псевдограв, а на твердую землю.

– С приездом! – поздравил он сам себя и пошел к дому.

В траве все-таки отыскался теннисный мячик. Кидди под-
катил его к ступеням, подкинул носком вверх и зачем-то су-
нул в карман. Потом подхватил шезлонг, воткнул пластико-
вые ножки в газон и блаженно развалился. В дом заходить
не хотелось. Восемь лет – это много. Чертовски много, да-
же с учетом того, что, как теперь уже ему казалось, проле-
тели они если не за пару месяцев, то за год, не больше. Ка-
кой сейчас Миха? Моника и вправду почти не изменилась,
но Миха-то должен был измениться, он всегда менялся, чего
стоила только ежемесячная новая шевелюра, все уже забы-
ли его в облике добродушного ирландского парня; не меня-
лось только его разгильдяйское отношение к вещам и попу-
стительство в отношении собственной жены. Впрочем, как
он может говорить об этом, если не знает, каким был Миха
с Моникой? И тогда не знал, и теперь не знает. Одно дело –
немое обожание на людях, другое – то, что не видит никто.
И Моника никогда не говорила об этом. Кидди и сам нико-

гда не расспрашивал ее о муже, но теперь ему отчего-то казалось, что Миха знал о сумасшествии жены все. Не от тягучей ли скуки, смешанной с ненавистью или с болью, которая плескалась в глазах Михи, когда он разговаривал с Кидди перед его отлетом на Луну? Или из-за той поездки, которая случилась несколькими месяцами раньше? Все-таки именно Миха вытащил его на пикник, где он встретил Сиф. Или Моника? Нет, точно Миха! Моника явно не хотела, чтобы Кидди отправлялся вместе с ними к океану, словно знала, что любовник неминуемо споткнется о взгляд серых глаз, забудет о глазах зеленых и с тех самых пор перестанет откликаться даже на зов плоти.

Воспоминания от частого употребления стали отчетливыми, хотя и распадались на отдельные картины, дробились на файлы. Но тот день просто не мог выпасть из памяти. Сказав, что километр придется пройти пешком, Миха посадил купе среди колючих кустов. Кидди подхватил сумку с мясом и, чертыхаясь, потащился вслед за Михой и Моникой по узкой тропинке между известняковых холмов. Его провожатые то и дело оборачивались. Поочередно. Только взгляды у них были разные. Миха смотрел восторженно, словно злые глаза Кидди подтверждали мнимое восхищение пешей прогулкой. И каменистой тропкой, и серо-зеленым упругим кустарником, и белесым небом, и сырым воздухом. Моника оглядывалась беспокойно, словно вела раненого с поля боя в лазарет. Или недоленного из лазарета на поле боя.

– Что это? – показал Кидди на матовые защитные колпаки, поблескивающие между кустов.

– То самое, – довольно откликнулся Миха. – Защитное поле! Представляешь, какой объем контролируется? А тебя разве не удивило, что я раскошелился на натуральное мясо? Или ты думаешь, что у Билла нет пищевого синтезатора? Человек, к которому мы идем, очень важная персона! Настолько важная, что даже приблизиться к нему можно только пешком, и то не каждому! Только по особому приглашению!

– Зачем мы ему нужны? – пожал плечами Кидди.

– Он нам нужен, – взволнованно зажмурился Миха. – Мне нужен. Я у него собираюсь работать. Моника – моя жена, ей не все равно, сколько у меня средств на счету, а ты – мой друг, значит, тебе не все равно, как я себя чувствую. Или не так?

– Так, – кивнул Кидди.

– Не вешать нос! – весело потребовал Миха. – Ты не представляешь, какой это интересный человек! Я говорил с ним полчаса и стал его поклонником! Это вихрь, тайфун в инвалидном кресле! Ты должен с ним встретиться!

– С тайфуном? – кисло поинтересовался Кидди. – Ты уверен?

Океан открылся вдруг. Он хрипло зарокотал у подножия холмов, раскинул серые волны, дохнул в лицо ветром, заставил зябко поежиться.

– Нам туда! – крикнул Миха и пошел, почти побежал к странному дому, словно повисшему в воздухе и не улетающему лишь потому, что выщербленный берег успел ухватить взмывающее жилище четырьмя стальными нитями и ажурной лестницей.

Кидди вздохнул, поправил на плече тяжелую сумку, поймал очередной тревожный взгляд Моника и тоже побрел вниз, туда, где чуть ли не в дно жилища дымила жаровня и среди укрытых пледами шезлонгов махали Михе руками трое.

– ... Кидди!

Кидди открыл глаза, поймал плечами дрожь, словно океанский ветер просквозил из его воспоминаний к стене домика Михи и Моники, поднялся и шагнул в дверь.

Моника сидела на полу в душевой комнате и раздраженно била ладонью по сенсорной панели. Внутри клубами стоял туман, капли влаги стекали по стеклу, пузырилась вода в поддоне. Жена Михи жмурилась от хлещущего в лицо дождя и время от времени кричала, изгибаясь, словно от приступов тошноты:

– Кидди! Кидди! Кидди?!

Кидди медленно распустил шейный манжет, потянул вниз планку рубашки. Удивительно знакомое даже через восемь лет, почти родное тело Моники отделяло от него лишь мутное стекло. Кидди понимал, что она ждала его, он и сам хотел ее все сильнее с каждым мгновением, но колючая мысль, что он опять делает что-то не так, не оставляла. Впрочем, так было и раньше. И неловкость показалась знакомой. Если исключить досадное, утомительное постоянство в отношении Кидди, Моника мало чем отличалась от всех известных ему женщин, с которыми, часто вопреки их желаниям, он не собирався поддерживать долгие отношения. Они складывались по-разному, но именно с Моникой он чувствовал себя

неловко не после близости, а до нее. Хотя с Сиф неловкости не возникало вовсе. С Сиф все было как обычно, но так, как ни с кем. Что теперь думать об этом, если Сиф давно уже нет? И все-таки именно теперь он что-то делал не так.

Кидди вошел внутрь и сразу почувствовал соль на губах. Обыкновенная женщина, Моника неизменно старалась быть особенной. Даже в мелочах. Кто бы еще мог додуматься соединить холодный туман с теплым, почти горячим дождем из морской воды? Кто бы еще мог додуматься запустить навстречу теплому дождю редкие струйки холодной воды, чтобы они кололи тело острыми спицами? Кто бы еще мог додуматься наполнить душевую не запахом цветов или фруктов, а дразнящим ароматом пустынного берега, в котором соединились едва уловимые запахи рыбы, гниющих водорослей, морского ветра, сырого песка? Моника всегда старалась быть особенной, но в том-то и заключалась вся разница, что она старалась быть особенной, а Сиф была ею. Или вся эта изысканность в приступе истерики выбита из сенсора случайными ударами?

– Ты хочешь ошпарить меня или заморозить?

– Кидди? Кидди! Иди сюда!

Она успокоилась мгновенно, поймала его за бедро, притянула к себе, впилась ногтями в спину, уткнулась лицом в низ живота, прижалась так, словно пыталась удержаться на вертикальной плоскости, отпустила и вдруг зарыдала, затряслась беззвучно, потянула Кидди к полу, положила подборо-

док ему на плечо и прошептала чуть слышно:

– Вернулся! Кидди!

Уже потом, когда Кидди закутал Монику в полотенце, отнес на постель и согрел ее, а потом согрел по-настоящему, не упуская ни клеточки знакомого тела, угадывая и опережая ее желания, он почувствовал, в чем она изменилась. Да, едва заметно раздалась в бедрах, но главным было не это. Она впервые получала удовольствие не оттого, что ее ласкал именно Кидди, а оттого, что он ее еще и ласкал...

А еще позже, когда она потянулась через него к столику, чтобы отщипнуть от грозди прозрачную желтую ягоду, Кидди провел рукой по спине, по бедрам, скользнул пальцами в лоно, ощутил влагу, закрыл глаза и подумал, был бы он счастлив, если бы не встретил Сиф и увел у Михи Монику?

– Михи больше нет, – сказала Моника именно в то мгновение, когда его пальцы были внутри нее.

– Сти! – заорал Миха, бросаясь к летящему вместе с чайками над берегом дому. – Моника! Кидди! Смотрите, кто здесь!

Да, огромные ручищи распахнул именно Стиай Стиара. Лидер когда-то неразлучной команды из пяти неугомонных цыплят, называемых так по желтизне орла на их кокардах, – лучших воспитанников академии – Стиая, Рокки, Томаса, Михи и Кидди. Правда, когда они увиделись впервые, Стиай был длинным и худым чернявым подростком, потом стал чемпионом академии по боксу и лучшим курсантом, теперь же превратился в рослого, чуть полноватого здоровяка с открытым лицом, крепкими скулами и тонким прямым носом.

– Ты мясо не забыл, муж своей жены? – еще издали загудел Стиай, поймал крепкого, но худощавого Миху, похлопал его по плечам, чмокнул в щеку Моника, крепко пожал ладонь Кидди. – Заждались! Я уже успел второй пакет углей распаковать. Билл! – он обернулся к сухому белоголовому старику, который кутался до подбородка в плед. – Смотри-ка! Это и есть тот самый Кидди, о котором я столько рассказывал! Самый неуправляемый из моих друзей! Самый наглый, своевольный, неуступчивый тип, каких я только встречал! Единственный из всех, кто всегда поступал только так, как считал нужным он сам. Неисправимый отличник и

покоритель женских сердец! Короче – идиот и псих. Кто бы мог подумать, что этот самовлюбленный негодяй поступит на службу в управление опекунства?

– Я всего лишь подчинился распределению, – протянул руку старику Кидди. – За полтора года кое-что понял, но пока не знаю, надолго ли задержусь в опекунстве. Приглядываюсь. Но если даже выберу другой путь, это произойдет не раньше, чем разберусь в устройстве всепланетной системы безопасности.

– На это может уйти еще не один год! – скрипуче хихикнул состоящий из одних морщин Билл, пряча руку под плед и зябко поднимая плечи. – В моем представлении вся система опекунства, несмотря на ее очевидную гениальность, – это тяжелые путы на руках человечества. И контроллеры-чипперы ее звенья! Эти браслеты на наших запястьях суть пластиковые кандалы человечества! Опекунство ведет к деградации, дорогой Кидди. Ребенок, которого не научили падать, вырастет и однажды разобьется насмерть там, где наш предок в лучшем случае набил бы себе шишку. Опекунство – это пожизненная нянька каждого из нас.

– К счастью, она пока не применяется нигде, кроме Земли, – заметил Стиай.

– А вот это зря! – не согласился Билл. – В космосе она как раз бы и пригодилась! А уж на Земле... Я сочувствую вам, Кидди. Вы занимаетесь не только вредным, но и бесполезным делом. Вся ваша система опекунства – это попытка

в тысячный раз упорядочить то, что уже давно и довольно безжалостно упорядочено. Только подумай, Стиай, на какую скуку отличники академии готовы истратить годы молодости! Некоторые могли бы прожить за это время целую жизнь.

— Для того чтобы прожить целую жизнь, однажды может хватить и одного дня, — подмигнул Кидди Стиай и шагнул в сторону. — А вот и Пасифея! Дочка Билла!

Именно тогда все и началось. Именно тогда плавное течение жизни дало сбой. Или превратилось в полет. Это потом Кидди поймет — для того чтобы быть непохожим на других, непохожим надо быть изнутри. Это потом он поймет — молчать можно не только для того, чтобы слушать, но и для того, чтобы не слышать. Это и многое другое произойдет потом, а тогда он просто замер с ладонью на лямке сумки, потому что увидел женщину, которую искал.

Она была не низка, не высока. Насколько позволял разглядеть тело толстый свитер — не слишком тонка, не слишком широка в кости. И ноги ее были не короткие, не чрезмерно длинные. И плечи ее оказались именно такой ширины, которая, как и все в ней, питалась той самой красотой, возникающей не из-за случайного сочетания привнесенных предками черт, а от гармонии, свойственной всякому совершенному существу или механизму. Впрочем, это Кидди рассмотрел и обдумал уже потом, а тогда он просто стоял и не понимал, отчего эта незнакомая, но такая родная с первого взгляда женщина с чертами лица, которое не надоест видеть по

утрам и через пятьдесят лет, с короткой пепельной стрижкой и открытой шеей, целовать которую невозможно, потому что счастливец неминуемо должен потерять сознание, приблизившись к ней, отчего это неземное существо, которое плоть от плоти небо, море, ветер и начинающее согревать плечи солнце, отчего она не отводит глаза?

Сиф сделала три или четыре шага к нему. Точнее, она перелилась из точки у решетки для барбекю в точку возле Кидди. Плавно и восхитительно исчезла там и возникла здесь и сказала только два слова, поэтому Кидди не запомнил голос.

– Мясо здесь?

Сиф протянула руку, погладила Кидди по щеке, словно смахнула с него внезапный столбняк, замерла, приложив ладонь ко лбу, прикрыла глаза и через мгновение обернулась к Биллу.

– Что-то интересное? – вежливо улыбнулся старик.

Она кивнула, поймала лямку сумки и легко сняла ее с плеча.

– Плюс один! – весело закашлялся Миха.

– При количестве жертв любовных чар Сиф, значительно превышающем тысячу единиц мужского и, по слухам, женского пола, прибавление очередного несчастного к этому списку, в сущности, не меняет статистику, – прищурился Стиай.

– Ну уж нет! – отмахнулся Миха. – Лично я вообще не участвую в твоей статистике, а прибавление к подобному

списку тебя, Сти, незамеченным пройти не могло!

– Я этот список возглавляю! – крикнул Стиай и приобнял Сиф за плечи. – Хотя похвастаться успехами в соискании взаимности не могу. Никто не может! Что, Кидди? Попробуешь растопить сердце снежной королевы? За несколько лет это может у тебя получиться! Но без каких-либо гарантий. Что касается тебя, Миха, ты больной человек, хотя болезнь твоя не только неизлечима, но и не менее прекрасна. Не так ли, Моника?

Кидди оглянулся. На показавшемся ему вдруг некрасивым лице Моника застыла улыбка.

– Как это произошло? – прошептал Кидди, чувствуя, что рука его тяжелеет, но не решаясь пошевелить ею. – Когда?

– Так и произошло, – ответила Моника. – Сердце. Полгода назад. Я не стала тебе сообщать. Да ты ведь и не очень жаждал общения со мной?

– Что за бред? – не понял Кидди. – Разве он был болен? Какое сердце? Легче из купе выпасть, чем упустить больное сердце! Чиппер был у него на руке?

Она сама слетела, сползла, снялась с его пальцев, изогнулась, повернулась к нему гневным напряженным лицом, неожиданно красивая и молодая, и отрывисто вымолвила дрожащими губами:

– Я не хочу об этом говорить. Не хочу об этом говорить! Не хочу!!! За ним приезжали Рокки и Брюстер. У них и спрашивай, что у него с сердцем!

– А что ты думаешь сама? – спросил Кидди.

– Ничего! – выкрикнула Моника, и тут Кидди понял, что он должен сделать с собственной рукой. Не сводя взгляда с дрожащих губ Моника, потому что смотреть ей в глаза Кидди не мог, он положил пальцы в рот, почувствовал ее солоноватый вкус и подумал, что вкуса Сиф не помнит, да и при чем тут Сиф, если Моника уже ползла по нему, чиркая сосками по коленям, животу, груди. Ползла, чтобы отнять соб-

ственный вкус, слизать с его языка и губ и утопить kloкочущую в горле истерику у него на плече.

Марк Котчери, советник корпорации «Тактика» на Луне, сидел в баре на месте Кидди и разговаривал через высокую стойку с его женщиной. Остановившись в дверях, Кидди раздраженно осмотрел пустой в неурочный час зал, шагнул в сторону и устроился в углу. Магда бросила на него быстрый взгляд и включила тихую музыку. Древний хрипловатый голос чернокожего трубача в который раз показался Кидди неуместным среди мягкого пластика на фоне огромных окон, за которыми переплетались щупальца и ангары базы и рассекала звездное небо близкая линия ломаного горизонта, но это была его музыка. С закрытыми глазами она засасывала в себя мгновенно. И включена она была именно для Кидди.

И все же раздражение не проходило. С первого же появления на базе советника в Котчери раздражало все – и подчеркнутая высокомерность, и безупречная выправка, которая странным образом сочеталась со свободной, дорогой одеждой, и показная любезность, и несомненный ум. Но теперь больше всего – то, что он разговаривал с Магдой, с женщиной, которая еще несколько часов назад лежала у Кидди на груди и водила тонким пальцем по его губам.

– Не злись, – Магда поставила перед Кидди чашку с дымящимся напитком и коснулась подушечкой пальца кончи-

ка его носа. – Причины нет.

– Не буду, – постарался улыбнуться Кидди и тут же спрятав невольную гримасу в пар.

Марк Котчери, пошатываясь, шел к его столику с бокалом пива.

– Разрешите?

– Разрешение все-таки требуется? – поднял брови Кидди.

– Не злитесь, – развязно поморщился советник. – Ваша неприязнь ко мне понятна и заметна, кстати, но абсолютно беспочвенна. Да, я вторгся, так сказать, со своими проектами на вашу территорию и заставляю вас выполнять эти проекты! Но у корпорации договор с вашим министерством! Любой бы на вашем месте занимался тем же. Все отличие в том, что вы не пытаетесь извлечь дивиденды из очевидно выигрышного положения! Отчего вы так раздражительны? Посмотрите, даже первая красавица базы – ваша. Причем не в том смысле, какой вкладывают в это слово мужчины, а в самом прямом. Она сама считает себя вашей! Это редкость в наше время. Хотите узнать, о чем мы с ней говорили?

– Мне показалось, что говорили вы, а не она, – поставил чашечку Кидди, с сожалением коснувшись обожженным языком зубов.

– Вы ведь вошли только что? – удивился Котчери, но тут же махнул рукой и торжественно объявил: – Так вот, мы говорили о вас.

– Вряд ли она решила поделиться с вами личными пере-

живаниями, – процедил Кидди.

– Она и не делилась, – легко согласился советник. – Она всего лишь ответила на один мой вопрос о вас.

– Отчего же вы не подошли с этим вопросом ко мне? – вновь приложился к фарфоровому краешку Кидди.

– Бросьте, – брезгливо зажмурился Котчери. – И вы бы стали говорить со мной? Теперь – станете. Потому что я вас зацепил! А так... Нет, у всякого человека есть мнение о самом себе, но себялюбец никогда им не делится, особенно если он умен.

– Я так понимаю – это комплимент? – спросил Кидди. – Или мне следует обидеться на «себялюбца»?

– Это попытка разобраться, – наклонился над столом Котчери.

– Во мне? – не понял Кидди. – На кой черт я вам сдался?

– Ну как же? – глотнул пива Котчери и с видимым удовольствием оглянулся на Магду. – Мне так и не удалось найти с вами общий язык, несмотря на все мои, может быть, неуклюжие попытки. От вас многое зависит! Думаю, я поторопился тогда, при нашем знакомстве, предположив в вас единомышленника. Надо было приглядеться к вам сначала. Человека, от которого многое зависит, следует изучать с максимальной тщательностью! Вот вы старший инспектор всей лунной пенитенциарной системы. Человек необычный, только восемь лет в этих интерьерах чего стоят! Я бы не выдержал здесь и двух месяцев! Хотя, черт возьми, два месяца уже

здесь и торчу! Да, пиво тут неплохое... Опять же ваша карьера вызывает уважение – от рядового советника до одного из первых лиц управления. Никто, кроме вас, не продержался на Луне так долго! Конечно, кроме осужденных! Но они умирают здесь, понимаете, умирают! А у вас все в порядке!

– Я всего лишь честно выполняю служебные обязанности, – оборвал смех Котчери Кидди. – И выполняю их неплохо, смею заметить.

– Не сомневаюсь, – с трудом сделал серьезное лицо Котчери. – Правда, сомневаюсь, что остальные служащие управления выполняли их плохо, но никто из них не задержался здесь больше положенных трех лет даже с учетом используемого, подчеркиваю – используемого, ежегодного отпуска. Вы скрываетесь здесь, Кидди? Что мешает вам вернуться на Землю?

Советник уставился в глаза Кидди, словно хотел разглядеть что-то внутри его головы, но тот вновь поднял чашечку к лицу.

– Не хотите разговаривать? – скривил губы и понимающе кивнул Котчери. – Но говорить нужно. Это важно, Кидди! Для моей корпорации, для нашей новой программы, для нескольких тысяч заключенных, которые отбывают наказание здесь, на обратной стороне Луны. Для вас, наконец! Для вашей карьеры, может быть, даже для будущей карьеры!

– С моей карьерой все и так ясно, – отрезал Кидди.

– В какой-то степени, в какой-то степени, – погрозил ему

пальцем Котчери. – Нет! Я понимаю. Ваши восемь лет – это отличный расчет! Выслуга! Лунные годы! Беспрерывный стаж! Хоть завтра на пенсию с неплохим пожизненным содержанием, но этого ли вы хотели? Крохотный, но заслуженный коттеджик от управления исполнения наказаний в зеленой зоне? Ради него вы топтали восемь лет псевдограв? Ведь вы самолюбивы, не так ли? А всякое самолюбие поддерживается и питается здоровым эгоизмом! Или вы исключение?

– Котчери! – поморщился Кидди. – А не пойти ли вам... в ваши апартаменты до наступления трезвости?

– Это успеется, – чмокнул губами Котчери. – Хотя мой номер, я бы даже сказал, мою камеру сложно перепутать с апартаментами. Ничего, Кидди. Вы еще узнаете, что такое апартаменты. Если не сглупите, конечно. Кстати, говорить пьяным весьма удобно. Сказать вам нужно многое, а если вы будете оскорблены слишком уж сильно, всегда удастся сослаться на собственную временную невменяемость. Вы слушайте, Кидди, это полезно! Я еще не сказал главного! Знаете, чем вы меня очаровали? Вы удивительным образом поставили себе на службу вымышленный образ справедливого чиновника! Вы никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах не сделали ни одной ошибки. Вы ни единожды не нарушили закон. Никогда не пошли против каких-либо правил. Сумели подняться по служебной лестнице и избежать какой-либо зависимости! Я бы назвал вас службистом и занудой, но и тут вы неуязвимы! Все считают вас замечатель-

ным парнем, я тут говорил со многими и с нашими компресанами в том числе, что странно, даже эта... девушка повторяет то же самое, в то время как я, очевидно, угадываю в вас самовлюбленного, уязвленного собственной участью интеллектуала. Вы как яблочко с невидимой червоточинкой, в которое забрался червячок через розеточку напротив плодоножки! Что это за червячок? Уж не сама ли злодейка-судьба, забросившая вас в это пластиковое чистилище? Неужели вы никогда не мечтали, чтобы какой-нибудь болид весом килограммов в сто пробил крышу ваших, как вы называете, апартаментов и не убил бы вас мгновенно и безболезненно?

– Да, – кивнул Кидди. – Нечто похожее как раз теперь меня очень привлекает. Я поменялся бы с вами комнатами, Котчери, если бы наверняка знал о подобной перспективе.

– Хе-хе! – вновь погрозил пальцем Котчери и отодвинул пустой бокал. – Вы талантливы, Кидди, не спорьте, и талант ваш необычен, поверьте мне! К примеру, все ваши поступки в тех ситуациях, когда у вас был выбор в действиях, диктовались долгосрочной, подчеркиваю – вашей долгосрочной, выгодой! Я восхищался, когда изучал ваше досье! Не прошлая ли ваша, еще долунная, служба в системе опекунства служит причиной вашей столь тщательно культивируемой безупречности?

– Не знал, что у вас есть доступ к моему досье, – отрезал Кидди.

– Это не то досье, – неловко отмахнулся Котчери. – Я то-

же не делаю ничего противозаконного. Корпорация сама ведет ваше досье, не используя, кстати, никаких секретных источников. Это обычная практика, которая диктуется прежде всего уважением к нашим партнерам. Вот только я не знаю, продолжится ли это досье или закроется? Я слышал, что вы собираетесь в отпуск? Или уходите в отставку? Выслуга это вам позволяет!

– Послушайте! – стукнул чашечкой о стол Кидди. – Вы сами только что сказали, что я не совершаю ошибок. Хватит уже лежать на орбите! Я понимаю, вам необходимо положительное заключение по испытанию компрессии. Возможно, вы его получите, но это произойдет только после завершения всей программы!

Кидди почти вышел из себя и из-за осознания этого злился еще больше. Он прекрасно знал, что программа корпорации отработана и отшлифована до мелочей и что тестированием в компрессии Ридли Бэнкса начинается ее третий этап. Кидди лично контролировал второй этап испытаний, который только что завершился и который касался заключенных с короткими сроками, но он злился и сдерживал себя от грубости с каждым мгновением все с большим и большим усилием. Не из-за отвращения, которое испытывал к Марку Котчери с момента его появления на базе, а из-за Магды.

– Не сомневаюсь, – оперся локтем о стол Котчери. – Все идет по плану! Полсотни первых компрессанов по второй программе уже отправились на Землю. Последнее испыта-

ние закончится на этой неделе, все будет так, как должно быть.

– И что же тогда вас беспокоит? – Кидди вновь глотнул кофе, хотя язык саднило нестерпимо. – И при чем тут мое досье? Закончится испытание, я составлю отчет, рекомендации и, если не будет срывов, подпишу акт. Надеюсь, все неполадки, что были отмечены месяц назад, не повторятся? Только ведь моя подпись – это только моя подпись. Она всего лишь даст возможность ввести компрессию в некотором количестве тюрем. Да, это начало массового использования вашей системы, но срок ее испытания останется прежним – десять лет. Многое будет зависеть от того, что станет с компрессанами в дальнейшем. Будет ли отличаться их послетюремная адаптация от адаптации освобожденных в обычном порядке. Выдержит ли их психика, наконец! Десять лет, Котчери, вы понимаете? Десять лет! Нужна положительная статистика. Государственный совет не издаст нужный вам закон без положительной статистики. Куда вы спешите? Но даже эти десять лет начнут отсчет только тогда, когда будет закончена третья программа. Вот тогда мы и расстанемся... к взаимному облегчению. Ждать осталось недолго. Только тогда я отправлюсь на Землю в отпуск... или в отставку. Подождите!

– Корпорация не может ждать, – неожиданно трезво улыбнулся Котчери. – Она находится не в безвоздушном пространстве, хотя да... здесь на Луне воздух только под куполами ангаров. Ваш авторитет способен помочь нам сократить

срок испытаний с десяти до пяти лет. Или даже до трех. Десять лет – это много. Мы вложили в компрессию миллиарды. Через десять лет наши конкуренты могут догнать нас и получить лицензию на аналогичный продукт, вовсе не пребывая в ожидании, как мы теперь!

– Зачем вам это надо, Котчери? – Кидди поставил чашечку и стиснул пальцами край стола. – Я не о сокращении срока испытания, я о компрессии. Я не могу понять! Уж не знаю, чем еще ваша корпорация занимается на Земле, кроме этой программы, но здесь вы прежде всего разрабатываете полезные ископаемые. У вас заводы, рудники на Луне. Вы едва ли не монополисты по гелию-3, вы весьма весомы по алюминию, железу, титану, я уж не говорю о редких металлах! Зачем вам эта головная боль? По договоренности с правительством вы используете труд заключенных и теперь собственными руками лишаете себя рабочей силы? Я смотрел ваши предложения – то, что вы просите за внедрение компрессии, даже частично не покроет ваших убытков! Или вы думаете, я поверю тому, что вас беспокоит судьба семей осужденных?

– Правильно делаете, что не верите, – довольно кивнул Котчери. – Вот! Люблю конкретный разговор! И здесь вы обстоятельны и скрупулезны! Хотя использование заключенных ненамного дешевле труда вольнонаемных, ведь заключенных еще приходится и охранять. Да и работники из них еще те, несмотря на все ваши усилия, майор. Дело в самом проекте. Компрессия – это будущее! Это триллионы прибы-

ли! Неужели вы думаете, что мы хотим ограничиться тюрьмами? Тюрьмы – это только обкатка. Моделирование навешенного сна с реальностью одиночного заключения посреди пустынной местности просто более экономично, но мы уже теперь можем больше! Компрессия способна восполнить главный дефицит современности – дефицит времени! И это больший дефицит, чем дефицит редкоземельных металлов! Знаете, сколько талантливых людей на Земле мечтают, чтобы в сутках было двадцать пять часов? Компрессия способна вместить в сутки годы! Предположим, что вы – только что создавший семью юнец. Вы нашли хорошую работу, которая способна вас обеспечить, но не имеете достаточных профессиональных навыков. Вам нужно на обучение два года, которых у вас нет. Теперь они есть, Кидди, есть! Вот, пожалуйста, вы ложитесь спать и проживаете эти два года во сне за одну ночь, просыпаясь прекрасным специалистом! Сфера применения компрессии неограничена! Компрессия необходима! Но на пути ее применения стоят эти ваши десять лет!

– Наши десять лет, – упрямо мотнул головой Кидди. – Наши с вами десять лет, советник. Не спешите. Я смогу помогать вам только в рамках утвержденной программы. Хотя, скорее, именно ваши, ваши, Котчери, десять лет. Без меня. Для вас слишком длинны десять лет, а мне показались утомительно долгими мои восемь, но я их отслужу безупречно от первого до последнего дня.

– Вы могли бы после отставки поступить на работу в корпорацию, – прищурился Котчери. – И даже сделать там карьеру еще более блистательную, чем на государственной службе!

– Вы покупаете меня? – в упор спросил Кидди.

– Что вы! – рассмеялся Котчери. – Не сомневаюсь, что вы для этого слишком законопослушны и выполните третью программу испытаний в полном объеме, включая личное тестирование. Считайте, что переманиваю перспективного работника. Те, кто не продается, всегда в цене. Простите за оксюморон. Кстати, основатель нашей корпорации, изобретатель компрессии Уильям Буардес, был верен ей до конца жизни, а ведь он был инвалидом! Вы подумали о смертельно больных? О тех, кого не может спасти даже современная медицина, или тех, кто уже прожил отпущенный им судьбой срок? Вы подумали о несчастных, которых обделила судьба? Компрессия позволит им продлить собственную жизнь почти до бесконечности, почувствовать себя здоровыми людьми!

– В искусственном мире? – скривился Кидди. – В качественном симуляторе?

– Подождите, – отодвинул бокал Котчери. – Подождите выносить суждения до того, как протестируете компрессию лично. Сколько там вам положено? Неделю? Бьюсь об заклад, что вы не сможете отличить ее от реальности! Кстати, Уильям Буардес включился в систему за пять дней до сво-

ей физической смерти, и за эти пять дней прожил огромную жизнь! И прожил ее здоровым человеком!

– В одиночестве? – нахмурился Кидди.

– Это его тайна, – успокаивающе подмигнул Котчери. – Но он мог найти там себе компанию, уверяю вас. Кстати, банальное подключение компрессии к системе опекунства Земли позволит создать иллюзию нашей родной планеты и даст возможность любому из нас жить в этой иллюзии, как в реальном мире, и общаться почти с реальными людьми. Более реальными, чем эти собеседники в разговорниках. Более реальными, чем киберразвлечения с симуляторами. По крайней мере, с теми, кто носит или носил контрольный чип-пер на запястье. Но пока это почти невозможно. Этические проблемы возникают, знаете ли! Заманчиво поквитаться со смертельным врагом, будучи уверенным, что наяву с ним ничего не случится? Заманчиво заслужить благосклонность девицы, которая в реальной жизни не заслуживает долгого ухода? Да. Я мог бы гарантировать почти стопроцентное соответствие! Вам ли не знать возможности опекунства? Но это все баловство, которое всего лишь демонстрирует безграничные возможности нашего продукта! А теперь представьте, что десятки обреченных людей получают в дар долгую и яркую жизнь. Скольким нам придется отказать за эти десять лет испытаний? Сколько их умрет за эти десять лет, не испытав счастья ощущать себя здоровым? Ведь, несмотря на те чудеса, что совершают врачи, они все еще не всемогущи!

Уверяю вас, Уильям Буардес думал не только о себе, когда занимался научными изысканиями!

– Я был знаком с ним, – процедил сквозь зубы Кидди.

– Я знаю, – улыбнулся Котчери. – Мне рассказывал о вас... Стиай Стиара. В восхищенных тонах, кстати. Да, ваша девушка... Магда... согласна, что вы эгоист. Конечно, она не признала этого прямо, но я спросил ее, что может удерживать такую красавицу возле такого, простите меня великодушно, чудовища? Ведь старший инспектор Кидди любит только самого себя. Бережет только самого себя. Да и всякий человек без недостатков – это чудовище для окружающих, не находите? А уж тем более себялюбец! Она ответила, что готова с этим смириться, поскольку готова быть частью вас, а значит попадать в сферу вашей любви к самому себе.

– Послушайте, Котчери, – Кидди глубоко вдохнул и мысленно досчитал до пяти, чтобы успокоиться. – А вы подумали, что тот... предполагаемый молодой парень, который на два года уйдет в компрессию, чтобы получить нужную специальность, вернется оттуда другим человеком? Вы подумали о том, что он может забыть о своей девушке? Вы подумали о том, как может измениться жизнь человека с учетом новых возможностей?

– Два года – это ведь не восемь лет? – ухмыльнулся Котчери. – Прогресс – это прежде всего новые возможности! К тому же, что помешает тысячам молодых парней и девчонок посетить компрессию за день до бракосочетания, чтобы

избежать скоропалительных решений? Вы способны придумать более гуманное испытание чувств? Сколько семей мы сохраним таким образом, Кидди! Вы представить себе не можете!

– А если там, в состоянии компрессии, там, в этой качественной иллюзии, человек раскроет свои худшие стороны? Что вы там говорили о смертельном враге? О привлекательной девице? Если он будет убивать и насиловать? Вы не боитесь, что человек, окруженный реальными, но программируемыми фигурами, соблазнится вседозволенностью? Он может перенести ее и в реальность!

– Я мечтал бы об этом! – восторженно прошептал Котчери. – Да, оператор компрессии не может в режиме реального времени контролировать поведение клиента, если, конечно, он не отправлен в иллюзию вслед за ним, но сама система не дает сбоев! Она вычленяет любые противоправные действия клиентов и выделяет их в отчете! Система сверхнадежна! Разве вы сами не убедились в этом месяц назад? Помните психопата Макки, который пытался повеситься в компрессии на четвертом году срока? Система сама не только сгенерировала его выздоровление, но просигнализировала нам об этом! Уверяю вас, Кидди, система вылечила бы Макки, даже если бы он отрезал себе голову! И если бы Макки, находясь в компрессии, убил бы кого-нибудь, мы бы узнали об этом первыми и, не рискуя настоящими жизнями, отправили его в суд для продления срока заключения! Ответственность за

виртуальную агрессию еще никто не отменял!

– Ты нашла работу? – спросил Кидди, когда пришла пора подниматься с постели, принимать душ и разговаривать, чтобы заполнить вдруг наплавившую о себе пустоту. – Или вернулась в академию? Помнится, ты хотела возобновить преподавательство?

Моника замерла, бросила полотенце на пол, стянула волосы лентой, спросила:

– У тебя кто-нибудь остался там?

Кидди вздохнул, шагнул к столу. На матовой поверхности лежали капсулы симуляторов, шайба разговорника.

– Где блок-файл Михи? – Кидди посмотрел на Моника через плечо.

Она наклонила голову, словно прислушивалась к его голосу, собрала на груди халат и шагнула в арку коридора.

– На завтрак рыба! Ведь ты любишь рыбу?

– Люблю, – пробормотал Кидди и крикнул в ответ: – Где вещи Михи? И как, черт возьми, это произошло?

– Кидди! – донесся голос Моника. – Красное вино с рыбой – нормально?

– Включи музыку! – повысил голос Кидди. – Ту, что любил Мика!

Она не ответила, но вдруг запахло дождем и раздающееся с кухни громыхание затихло. Зазвучала музыка. Именно ее

и хотел слышать Кидди. Невидимый музыкант теребил гитарные струны и пел тонким голосом что-то непонятное, наверное, вовсе бессвязное, но все издаваемые им звуки, дыхание, скрип струн, когда он перемещал вдоль грифа ладонь, — все это вместе всякий раз заставляло Миху замирать и затаивать дыхание.

— Вот! — говорил Миха. — Вот! Так звезды шелестят, Кидди, как поет этот парень! Он умер в двадцать семь! Нам уже всем по двадцать семь, скажи, мы создали хоть что-то, что оставит о нас память? Это по-настоящему, Кидди, понимаешь? Ну, как первый секс!

Да. Тут возразить было нечего. Первый секс однажды случился у каждого, и ни у кого он не был первее остальных, независимо от метки в календаре.

Кидди стряхнул накотившее на него оцепенение, положил палец в центр шайбы разговорника. «Пароль», — раздался в голове знакомый голос. «Моника», — наугад сказал Кидди. «Разблокировано», — как показалось Кидди, с сожалением произнес Миха, и Кидди немедленно спросил:

— Что случилось с Михой Даблином?

— Его погубил Кидди Гипмор, — раздалось в ответ.

— Еще раз! — Кидди почувствовал, что у него взмокли ладони. — Что случилось с Михой Даблином?

— Его погубил Кидди Гипмор, — упрямо ответил разговорник.

Чиппер задрожал и в ушах слышался голос отца:

– Кидди! Дорогой мой! Малыш! Ты где? Почему не сообщил, что прилетаешь? Вещи прислали из космопорта!

– Папа, привет! – постарался бодро ответить Кидди. – Хотел сделать тебе сюрприз! Но вот... тут оказалось, что Миа... умер.

– Да, да, я знаю, – забился в ушах тонкий отцовский выговор. – Я знаю, Моника сообщила мне. Очень жаль. Он был лучшим среди вас, Кидди, лучшим. Когда ты появишься, сынок? Что это за компрессия? Я видел тебя в выпуске новостей. Не меньше десятка репортеров с утра уже навевались ко мне, Кидди! Они были очень назойливы, мне даже пришлось пригрозить им полицией! Расскажи мне об этой компрессии, сынок! Эти репортеры далеко не убрались, они теперь дежурят на парковочной площадке и у лифта внутри здания. Это правда, что вместо наказания теперь преступников будут укладывать спать? Там еще что-то говорилось о продлении жизни, ты мне все расскажешь?

– Непременно, – пообещал Кидди. – Я появлюсь, как только смогу.

Отец заговорил еще о чем-то, но Кидди сбросил линию и шагнул в кухню.

Моника торопливо вытирала слезы. Кидди сел напротив, протянул руку, чтобы коснуться ее предплечья, она вскочила и вытащила из автомата исходящие паром блюда. Кидди сорвал с розовой мякоти тонкую пленку, втянул сладкий аромат, потянулся за бутылкой.

– Я сама, – прикусила губу Моника, неуверенно плеснула в бокалы, не дожидаясь Кидди, глотнула, отщипнула кусок рыбы, отправила в рот, обожглась, снова хлебнула, уставилась на замершего с бокалом в руках Кидди.

– Это твой разговорник? Там на столе? Симуляторы?

– Нет, то есть да... – Она отвечала торопливо, словно от ее слов зависело, останется ли Кидди или немедленно, сию минуту встанет и уйдет. – Разговорник Михи, у меня нет. Этот Миха сам зарядил. Залил в него все, всю базу с чиппера, даже свои юношеские дневники. Он часто задерживался в институте, наверное, хотел, чтобы я не скучала, но почему-то не отдал мне его. Разговорник принес Рокки, когда Михи уже не стало. После. Наутро, наверное. Наведывался, чтобы проверить, не свихнулась ли я. Перед тем как исчезнуть. Он ведь пропал куда-то. А симуляторы мои, но они... порченные. Мне Рокки той же ночью сказал, когда с Михой это случилось. Сразу сказал: «Если не хочешь, чтобы копались в твоих файлах, обнули симуляторы». Я их в шкаф засунула и пропекла. Там ничего не осталось. Точно. Рокки проверял. Только не пригодилось ничего. Никому они не нужны. И разговорник никому не нужен.

– Ты не включала его?

– Я же не знаю пароль, – испуганно сжалась Моника, словно Кидди замахнулся на нее кулаком.

– Почему не разблокировала через систему опекунства? Ведь ты его жена?

– Я не хочу слышать его голос, – она вытерла слезы. – Я боюсь.

Несколько мгновений они молчали. Кидди начал рассеянно есть, рыба была очень вкусна. Глядя на него, и Моника принялась отправлять в рот кусок за куском. Вряд ли она чувствовала вкус.

– Блок-файл Михи забрал Стиай, – вымолвила она минут через пять. – Но Рокки проверил его и вычистил все оттуда. А вещи я сама уничтожила. В пепел. Вот мячи оставила.

– Почему у тебя нет разговорника? – спросил Кидди.

– Был. – Она посмотрела на Кидди неожиданно сухими глазами. – Все, что могла твоего, туда загрузила. К отцу твоему ходила. Даже детские файлы твои сбросила. Только вот слишком похоже на тебя получилось. Прямо как в жизни. Неразговорчивым разговорник вышел. Пару раз включила, такое чувство было, словно я допрашиваю тебя. «Да» или «нет», и ни слова больше. Выбросила я его, когда одежду Михи... Или ты не такой?

– Спрашивай, – не отвел взгляда Кидди и щелкнул пальцами, заставив замолчать музыку. – Вот я перед тобой.

– С кем ты там... – она повела глазами в сторону комнаты, – разговаривал?

– Отец линию бросил, – пожал плечами Кидди. – Вещи мои из космопорта доставили. Ждет.

– Ты вернешься? – спросила она.

– Я уже вернулся, – ответил Кидди.

– Я тебе фуражку не отдам, – захлопала она ресницами.

– Хорошо, – серьезно кивнул Кидди, чувствуя, что тоска, исходящая из объемов пустого, покинутого Михой дома, из глаз несчастного существа напротив начинает его душить и гнать, гнать, гнать куда подальше! Отчего же так было легко с Сиф, даже когда она перестала смотреть Кидди в глаза?

– У тебя остался кто-нибудь там?

– Пока не могу сказать, – серьезно ответил Кидди.

– А... когда сможешь?

Она произнесла эти слова с надрывом. Она вытолкнула их сквозь дрожащие губы с ненавистью, словно они поганили ее рот. Кидди поднялся и молча пошел прочь. Без фуражки.

– Ненавижу! – крикнула она вслед.

Билл оказался отличным парнем. Сиф тут же начала какой-то изысканный кулинарный обряд, окуривая собравшихся невообразимыми ароматами. Стиай и Миха принялись наперебой вспоминать курьезные случаи из университетского прошлого, то и дело втягивая воздух и сокрушенно вздыхая. Билл прислушивался к разговору, смеялся громче всех, то и дело поторапливал дочь и нашептывал комплименты на ухо Монике.

– Почему такой дом? – спросила она, подняв глаза на укрепленную на тонких шестах громаду.

– Да вот, такой дом! – довольно шевельнулся под пледом Билл. – Строители отказались возводить башню, сказали, что здесь, несмотря на все мои пожелания и положенные льготы, запрещены капитальные сооружения, только временные постройки. Природоохранная зона! И так пошли навстречу, что позволили вонзить стальные шипы в плоть материковой породы. Так что теоретически это передвижной домик, в котором довольно страшновато, когда океан сердится, но безопасно! Кстати! Ни одного жилья нет в радиусе полусотни километров! Только коттеджи егерей, но те не пользуются даже купе! Они передвигаются на лошадях!

– Хотел бы я посмотреть на всадников. – Кидди заставил себя оторвать взгляд от ладной фигурки Сиф. – Я правильно

понял, что и полеты над побережьем запрещены? Автопилот Михи выражал отчетливое недовольство, когда мы миновали обжитые зоны.

– К счастью, Миха не рискнул подлететь к изящной крепости Билла вплотную, ведь он еще не получил допуск от корпорации! – пробормотал развалившийся в шезлонге Стиай.

– Я аккуратен! – вызвав общий смех, напрягся рассеянный Миха. – В самом деле, не вижу ничего смешного! Я привык скрупулезно относиться к инструкциям! Пусть у меня нет допуска от корпорации, но пролет в природоохранную зону я оформил по всем правилам и оставил купе на положенном расстоянии!

– Почему именно здесь? – Моника смотрела на старика с интересом. – Не страшит одиночество? Насколько я понимаю, Пасифея навещает вас не слишком часто? Вы так... далеко забрались.

– Одиночество? – удивился Билл, пощелкивая сухими пальцами. – Это не одиночество, дорогая моя! Алчущее знаний и открытий уединение, благотворно перемежаемое встречами с интересными людьми! И вы, Моника, интереснее всех прочих моих гостей! Надеюсь, ваш спутник не обидится на меня за искренность?

– Он не обидчив, – оглянулась Моника на запнувшегося Миху.

– Да и Сиф не дает мне скучать! – добавил Билл. – Мы все-таки часто с ней... видимся!

– Почему башня? – не понял Кидди. – Я мог бы спросить, отчего берег, но меня интересует именно башня.

– А одно без другого смысла особого не имеет, – ухмыльнулся старик, сверля Кидди хитрым взглядом. – У каждого человека должна быть мечта. Пусть даже нелепая или невыполнимая. Башня – удел мудрых. Сочетание простора и неприступности, воздуха и надежности. Что касается берега... Где же еще строить башню, как не на берегу океана? Медитация над водой превращается в медитацию над огромной массой воды. Опять же маяк! Зажгу когда-нибудь огонек для всех, кому путь в темноте указать надо будет! Нет, я вовсе не оставил мечту о башне! Правда, здесь, в этом замечательном месте, где так легко дышится в любое время года, мне ее построить не удалось. Но есть еще множество других... мест.

– Скоро их будет становиться все меньше и меньше. – Стиай приподнялся и жадно втянул аромат мяса. – Правительство утвердило закон о детехнологизированных зонах, хотя многие называют их резервациями для умалишенных. Там не только башню, но и такой домик поставить не дадут. Хотя, если задобрить какого-нибудь местного из-под земли появившегося князька, башню одобрят. Только, попомни мои слова, Билл, рано или поздно этот же князек, шериф, староста, как бы он ни назывался, соберет своих подопечных и пойдет на штурм твоей башни. Ненавижу убожество, прикрывающее собственную мерзость криками о недостатке

свободы!

– Не скажи, дорогой Сти! – укоризненно покачал головой Билл. – Всякое человеческое существо имеет право на отторжение насильственно вменяемого ему образа жизни. Или ты думаешь, что эти несогласные способны покорить города? А знаешь ли ты, что именно потенциальные почвенники составляют большинство среди колонистов на Марсе, на спутниках? Не все способны смириться с уплотнением жизни. Это главное, а не недостаток свободы, который и ощущается, и содержится внутри человека. Да возьми хоть меня. Я вовсе не считаю города муравейниками, прекрасно понимаю, что одиночество в городе – штука гораздо более частая, чем в какой-нибудь почвенной деревеньке на двадцать дворов. При некотором ухищрении даже и уединение в городе устроить несложно, сам проработал добрых три десятка лет в таких условиях, но от напряжения не избавишься. От ощущения, словно ты живешь среди миллионов электромагнитных излучателей и сам ты такой же излучатель и, сколько ни заземляйся, волей или неволей будешь впитывать и впитывать в себя чужие эманации. Для всякой чувствительной натуры это невыносимо! Количество суицидов в городе, Кидди, вас не удручает? Ведь вы, как я понял, работаете в системе опекунства? Сколько опекунов Земли принимает ежедневно экстренных сигналов? И сколько из них действительно обернутся смертями, если отключить поголовный контроль? – Билл раздраженно щелкнул чиппером на

запастье. – Безопасность землян все больше обращается паутиной, из которой невозможно выбраться! Не удивительно, что даже идиоты из правительства все-таки пришли к мысли об узаконивании почвенничества! Человечество должно иметь возможность хотя бы пассивно защититься от самого себя! Кстати, если бы не технологии, которыми набито мое жилище, я бы вполне мог считаться достойным представителем почвенников!

– Избавь меня бог от начальника-почвенника! – хмыкнул Стиай. – И все-таки наслышан я о жестких нравах в их поселениях! Куда только система опекунства смотрит?

– Система опекунства не контролирует всю территорию Земли, – покачал головой Кидди. – Другой вопрос, что никакой опекун не имеет права нарушать свободу воли землян.

– Вот она свобода воли! – вновь щелкнул чиппером Билл. – Сбросил этот браслетик, отошел в сторону, и ты уже свободен. Правда, в городе эта свобода эфемерна, но, к примеру, здесь, на берегу океана, может оказаться вполне осязаемой.

– Если не подходить к контрольным буям, – мотнул головой в сторону известковых холмов Стиай. – Я слышал, что на почвеннических территориях даже их нет? Надеюсь, хотя бы спутниковый мониторинг за местностью там сохранен? Интересно, какие ставки берут страховщики за гарантии для безумцев? Или там нет страховки? К счастью, Билл, чиппер на твоей руке меня успокаивает. Миха, не волнуйся, в нашей

корпорации твое пристрастие к технике не должно пострадать, тебя не заставят работать молотком и лопатой.

– Ну прямым-то шефом Михи будешь именно ты, Сти, – улыбнулся Билл. – Этот проект – целиком твой. А ты уж во все лишен каких бы то ни было недостатков!

– Опять теребим тему работы? Стоило ли из-за этого лететь к океану?

Сиф наконец поставила на стол блюдо исходящего аромата мяса и раскрыла сумку с пузырями пенистого тоника.

– Это, кстати, отдельный вопрос, – прищурился Стиай. – Я опять не понял, как ты сюда добралась? Где оставила купе? Такси бы не полетело на этот берег.

– Пришла пешком, – холодно улыбнулась Сиф.

– Оставь ее, Сти! – замахал руками Билл. – Когда же ты поймешь, что у всякой женщины должен быть секрет?

– Давно уже понял, – грустно развел руками Стиай. – Вот только никак не могу смириться с тем, что этот самый секрет доставил Сиф к океану и теперь дожидается ее где-нибудь за холмами. И это в то время, когда столько отличных парней жаждут ее внимания? Посмотри, Сиф, – Сти ударил себя кулаком в грудь. – Я, мой друг Кидди! Мы лучше!

– Я не должна тебе ничего объяснять, – повторила улыбку Сиф.

– Разве я жду объяснений? – разочарованно откинулся в кресло Стиай. – Привычка соединять все в логические цепочки покоя не дает. Допуска к управлению купе у Сиф нет,

а на автопилоте сюда не добраться. Нет, лучше уж говорить о работе, чем ломать голову.

– Это секрет? – Кидди понял, что Сиф поймала взгляд, направленный на ее бедра, и, к собственному удивлению, смутился. – О работе говорить нельзя?

– Это секрет, пап? – Сиф протянула один из пузырей Биллу.

– Секрет заключается в частностях, – пробормотал Билл, отрывая сосок. – Если кто-то придумает что-то заслуживающее засекречивания целиком, я сочту такого исследователя гением. Что касается... рядовых талантливых исследователей или даже молодых и перспективных руководителей, – старик погрозил пальцем ухмыляющемуся Стиаю, – то они всегда найдут способ сохранить существо секрета в частностях. Пусть и не навсегда.

– Мясо исключительное! – причмокнул сальными губами Стиай.

Сиф не ответила ему. Она внимательно смотрела на Кидди. Так внимательно, что он замер в недоумении.

– Неплохо, – подтвердил Билл, вытирая пальцы исчезающей салфеткой, целую пачку которых пытался выдуть из прозрачного зажима на столе влажный ветер. – Хотя искусственное мясо ничем не отличается от настоящего. Точнее, отличается в лучшую сторону. Эти твои почвенники, Стиай, явно позарились не на естественную пищу. Иначе многие из них мгновенно побежали бы обратно к покинутой ими ци-

визации, чтобы только питаться так, как раньше. Те же из них, кто устоит перед соблазном, побегут позже, когда выяснится, что главное, чем одарил их прогресс, – это не современное жилище, не обильная и качественная пища, не развлечения, а возможность поддерживать здоровье. Искусственно продленная жизнь. Медицина, обратившаяся в абсолют физического здравомыслия.

– Я бы уж точно побегал, – кивнул Миха и повернулся к притихшей Монике. – Особенно, если бы это касалось близкого человека. Особенно ребенка.

– А папа был бы в третьей группе, – подала голос Сиф, заставив Кидди вздрогнуть. – В той самой, которая не побежит никуда и ни при каких обстоятельствах. Билл, отчего сам не торопишься воспользоваться курсом омоложения?

– Не хочу, – закашлялся старик, оторвавшись от пузыря. – Не хочу играть с судьбой. Достаточно, что я не отказываюсь от контроля опекуна за моим жалким тельцем. Пока не закончил исследования, не отказываюсь. Я, дорогие мои, уже в том возрасте, когда начинаешь верить в Бога не только по внутреннему озарению, но и во избежание возможных последствий неверия. Так что простите мне эту слабость. Бог-творец, судя по всему, зачем-то измыслил меня таким, каков я есть. Определил мне такой срок жизни, какой определил. Стукнул по голове, отнял ноги, чтобы исполнить непонятные мне извивы божественного промысла. Я не могу понять его замысел в полной мере, поэтому не могу взять на себя

смелость препятствовать этому замыслу. Кстати, не эту ли мысль проповедуют столь упорные в собственных заблуждениях почвенники?

– Отчего вы не допускаете, что возможности медицины для продления человеческой жизни тоже являются частью божественного промысла? – внимательно посмотрел на Билла Миха. – Отчего не допускаете, что все происходящее с нами производное от его воли?

– Допускаю, – кивнул Билл и потянулся за следующим куском мяса. – Я, кроме всего прочего, еще и допускаю, что частью божественного промысла является не только сам факт существования моей персоны, но и то дело, которому я служу! Именно поэтому и работаю, и ломаю старую большую голову, привлекая к проекту таких людей, как Стиай, ты, Миха, многих других. Претворяю и одновременно пытаюсь в какой-то степени разгадать этот замысел...

– Так вы занимаетесь поисками Бога? – прищурился Кидди.

– Просто поисками, – прикрыл веки Билл. – Поисками, которые могут привести к самым неожиданным находкам. Как и всякий исследователь, я расширяю границы.

– Границы чего? – нервно попробовала пошутить Моника. – Миха – техник-психосенсорик, а не пограничник или таможенник! Или речь идет о пограничных состояниях и изменениях психики? Тогда необходим Рокки. Он один из самых перспективных биотехнологов в университете!

– Да! – рассмеялся Билл. – Я знаю, кто такой Миха и кто такой Рокки. Именно поэтому и пригласил их в корпорацию. Рокки уже работает, он был здесь несколько дней назад. Не знаю, как я ему, но он мне очень понравился. Нечасто встретишь человека, на которого можно положиться больше, чем на самого себя. Больше скажу, благодаря Стиаю, я наслышан обо всей знаменитой пятерке. О лучших выпускниках академии госслужбы. Стиай пытался и вашего друга Брюстера подключить к проекту, но тот слишком хороший врач, чтобы удалось вырвать его из цепких лап медицинской академии. Да он и сам, как я понял, не любитель перемен в жизни. Впрочем, над моим проектом работают сотни людей. Чтобы не затеряться среди них, потребуются серьезные усилия. Даже таким специалистам, как ты, Миха.

– Я понимаю, – твердо ответил Миха.

– Итак – границы, – задумался Билл.

Старик с трудом повернулся в кресле, бросил взгляд на океан, ухмыльнулся, озорно облизал пальцы и с интересом уставился на Кидди.

– Вот вы, Кидди, могли бы оказаться прекрасным тестирующим моего открытия. Не теперь, оно еще по большей части вот здесь, – Билл выразительно постучал себя по голове сухим пальцем, – но в будущем, весьма близком будущем – несомненно. Сиф никогда не ошибается, но так и я кое-что вижу. Напрасно, Сти, ты говорил, что Кидди меня не заинтересует.

– Я скорее говорил, что ты, Билл, не заинтересуешь Кидди, – добродушно проворчал Стиай.

– Кидди, – старик словно не услышал Стиая, – вы часто видите кошмары во сне?

– Никогда, – твердо ответил Кидди.

– Неужели вам снятся только пасторальные пейзажи? – изобразил удивление Билл.

– Нет, – усмехнулся Кидди. – Я вообще не вижу снов. Ни теперь, ни в прошлом. Никогда не видел.

– О как! – поднял палец Билл. – Неужели? А что, если я смогу убедить вас в обратном? Ну не спорьте, не спорьте со мной. Пока не спорьте. Сейчас меня как раз вы больше интересуете в бодрствующем состоянии. В вас, как мне кажется, сочетаются скептицизм, трезвость, расчетливость и в то же время редкие качества вроде осознанной трусости, нерешительности, опаски, замешанных на изрядной доле самолюбия.

– Что-что? – не понял Кидди.

– Трусости, – спокойно повторил Билл под довольный хохот Стиая. – Расслабьтесь. Это не та трусость, которая заставляет в панике бежать от любой опасности. Не та трусость, которая гонит жертву навстречу гибели, маскируясь отчаянной храбростью. Это другая трусость, которая холодом струится в сосудах. Это трусость, которой наделен тот, кто чувствует! Я бы назвал ее чувством бездны. Или чувством смерти. Опасный дар! Для всякого опасный, но не для

вас! Не удивляйтесь, я обладаю некоторыми... способностями, поэтому вижу. Пусть и не так, как Сиф, но вижу. Чувство бездны, это ощущение безумия, но не безумия личности, а безумия окружающего нас мира. Замысла Творца, если хотите. Боязнь высоты, которая не оставляет даже на плоскости. Это чувство всем нам знакомо, хотя редкий человек способен испытывать его постоянно. Не так ли? – Билл внимательно взгляделся в лицо оторопевшего Кидди, затем довольно завертел головой. – Не правда ли, каждый на мгновение почувствовал его, когда на лекциях по космогонии понял принцип ограниченности Вселенной? Каждый его почувствовал, когда столкнулся с понятием предела Кельма?

– Вы говорите о невозможности исследований нематериальных сущностей? – нахмурилась Моника.

– Я говорю именно о пределе Кельма! – отрезал Билл. – Рик Кельм был не первым ученым в истории человечества, который отдал на закланье науке собственную жизнь! И до него находились смельчаки, которые перед лицом смерти продолжали служить знанию. Но именно Рик Кельм попытался протиснуться вместе с атрибутами исследователя за грань бытия.

– Я помню, – хмуро бросил Кидди. – Он сомкнул собственный мозг с биоматрицей и попытался провести эксперимент по контролю тоннельного перехода. Теперь эти исследования запрещены. Но это было еще до моего рождения!

– Изъясняйтесь яснее! – поморщился Билл. – Простота и

доходчивость! Он попытался проконтролировать собственную смерть. Когда его дряхлое тело было уже готово расстаться с его неувядаемой сущностью, Рик Кельм изготовил силок для собственной бессмертной души, надеясь воплотить ее в искусственном вместилище или хотя бы проследить ее дальнейший путь! Этого его ассистентам сделать не удалось, хотя приборы фиксировали нематериальную сущность, отделяющуюся от его тела, вплоть до определенного момента. Этот момент и есть предел Кельма.

– Иначе говоря, смерть, – пожал плечами Стиай. – Окончательная и бесповоротная. Что бы там ни говорили, но теперь мы можем фиксировать это мгновение достаточно точно.

– Не спеши, – отмахнулся Билл. – Простота не предполагает упрощение. Предел Кельма – это предел нашему познанию самих себя, установленный Творцом. Ограниченность Вселенной – это предел познания пространства, установленный Творцом.

– Или природой, – заметил Миха.

– Если угодно, – кивнул Билл. – Постоянное и подавляющее ощущение присутствия Творца, которое познается прежде всего через границы, им установленные, одной из которых и является смерть, и есть чувство бездны.

– Так каждый чувствует это... – начал Стиай.

– Нет, – покачал головой Билл. – Почти каждый знает. Но чувствуют единицы. Вот Кидди чувствует.

– Но почему страх? – не поняла Моника. – Почему не любовь? Если вы говорите о Боге...

– Может быть, и любовь, – в прерываемой порывами ветра и криками чаек тишине рассмеялся Билл. – Вы прелесть, Моника. Незамутненное существо. Незамутненное грязью, конечно. Может быть, и любовь. Но кто же знает, какой видится любовь бесконечной сущности конечному крошечному существу? Что, если она и служит причиной страха? Да и в самом деле, за что любить любого из нас? Даже хоть и Кидди! Я о внутренних сомнениях говорю, о внутренних!

Кидди невольно поежился. Моника смотрела на него с тревогой, Миха с любопытством, Стиай с усмешкой. Только Сиф вовсе отвернулась в сторону волн.

– Кидди чувствует, – повторил Билл. – Хотя сам он не понимает ни черта, что это он такое чувствует, более того, он даже не понимает, что его эгоизм, который он считает чувством собственного достоинства и некоторой повышенной степенью рациональности и разумности, – это всего лишь скорлупа, которая защищает его от чувства бездны. Даже его работа в системе опекунства, которая, на мой взгляд, как и всякая статистическая деятельность, является скучнейшей из всех возможных высосанных из пальца дисциплин, – это тоже защита от чувства бездны!

– Привет тебе, Кидди! – ударил по плечу друга Стиай. – Верь Биллу, он видит любого насквозь!

– Предположим, – стараясь скрыть оторопь, Кидди акку-

ратно подбирал слова. – Предположим, что вы правы и я действительно имею среди сомнительных талантов некое чувство бездны... Предположим, что есть вещи, которые меня пугают. Как это выражается? Я должен... чувствовать что-то особенное? Согласитесь, те примеры, что вы привели, они удивительны, наверное, они способны разрушающе действовать на несформировавшуюся психику, но они... банальны. Они уже банальны. Банальны, как что-то, пусть и не до конца понятное, но привычное. Что для меня чувство бездны? Скрытое сумасшествие? Навязчивое состояние? Ночные кошмары? Что это? И как, в конце концов, это может помочь в изучении... границ?

– С границами пока полная неясность, туманность пока с границами, – улыбнулся Билл. – Да и к чему их изучать? Их нарушать следует, нарушать! Хотя о кошмарных снах к месту вы заговорили, к месту. Но говорить следует только о том, что испытал лично. Что касается чувств, то они именно что банальны! Вы просто-напросто должны ощущать взгляд.

– Чей взгляд? – не понял Кидди.

– Взгляд бездны! – рассмеялся Билл. – Прищур смерти. Взгляд безжалостной судьбы через оптический прицел рока!

– Бездна вглядывается в тебя, Кидди! – шутливо пробасил Миха. – Будь осторожен. Великие предупреждали о чем-то подобном!

– Не пугай будущее светило системы опекуинства! – вновь опустил огромную ручищу на плечо Кидди Стиай. – Тем бо-

лее мы-то не мистикой занимаемся!

– Нет! – замахал руками Билл. – Конечно нет! Мы предельно конкретны. И претворяем нашу конкретику в предметные технологии. Работа еще только начинается, но первые результаты уже есть. Надеюсь, – Билл подмигнул на хмурившейся Сиф, – что успеем закончить исследования и даже отработать технологии до того, как я впаду в маразм или в какое-нибудь подобное состояние. Так вот, о расширении или нарушении границ. Я далек от мысли, что человек просто так, без кардинального вмешательства в собственную физиологию, сможет, к примеру, или полететь, или задышать под водой, или естественным образом прожить значительно больше ста – ста пятидесяти лет. Да и нужно ли это? И все же, что есть в нас такого, что, безусловно, вложено Творцом, но не исследовано в достаточной мере, даже толком не расшифровано?

– Вероятно это то, до чего так и не смог добраться Рик Кельм? – воскликнул Миха.

– Подождите, – поморщился Билл. – Рик Кельм изобретал самолет, не имея колес для его разгона. Я был у него ассистентом, поэтому знаю, что говорю.

– Ноги, – внезапно догадался Кидди. – Ваши ноги! Я не помню имени, но смотрел отчеты...

– Вы любознательны, – досадливо поморщился Билл. – Да, я тот самый ассистент, что пострадал при опыте. Полез туда, куда не следовало. Это моя давняя беда.

– Почему? – наклонился вперед Кидди. – Почему Рик Кельм запрограммировал взрыв оборудования? Для чего было столько усилий, чтобы в итоге уничтожить все?

– Ну не все, – задумался Билл. – Ход опыта фиксировался. Существовали отдаленные измерители. Если бы уничтожилось все, мы ничего не знали бы об этом пределе познания.

– Почему он взорвал себя? – упорствовал Кидди. – Что это за хитрая задумка по принесению самого себя в жертву?

– Он испугался, – утомленно откинулся на спинку кресла Билл. – Он был точно таким же трусом, как и вы, Кидди. Его неистребимое любопытство заставило заглянуть за край бытия, но его страх перед тем, что он может там увидеть, заставил уничтожить собственное тело. Точнее не тело, которое было уже мертво, а саму ловушку. Это была тщетная предосторожность. Он испугался, что его душа будет действительно поймана, и предусмотрел, чтобы изобретенная им клетка была уничтожена при любых обстоятельствах. Рик Кельм подобрался к пределу познания слишком близко. Он даже не подозревал, что огромные неисследованные области оставил за спиной.

– О чем вы? – невольно оглянулся Кидди.

– Ну что же вы? – всплеснул руками Билл. – Я намекаю из всех сил. Разгадка рядом! А как же сны?

– Сны? – удивился Кидди. – Разве они не изучены?

– Изучены! – с готовностью согласился Билл. – Так же, как изучен древний бронзовый ключ, попавший в руки ар-

хеолога. Он в совершенстве знает его размеры, состав металла, особенности выплавки, год производства, даже предполагаемую национальность кузнеца. Одно только как-то ушло от внимания этого археолога: что же за дверь отпирал этот ключ?

– И что же это за дверь? – подняла брови Моника.

– Дверь я уже вижу, – засмеялся Билл. – А вот чтобы превратить ее в широкий тоннель... придется еще повозиться несколько лет. С помощью Михи, Стиая, Рокки и многих других. Но я могу показать вам дверь. Даже нет. Я могу показать вам то, что скрывается за дверью. Приоткрыть ее и позволить сделать несколько шагов по невиданной стране!

– Где эта дверь? – оживленно оглянулась Моника.

– В наших снах, дорогая Моника, – улыбнулся Билл. – Я предлагаю нам всем поспать час или два. Вам в первую очередь, Кидди. Вот уж не думал, что среди моих гостей окажется... человек, которого я смогу осчастливить первым сновидением. Стиай, доставай наши ключики от волшебной двери. Да, все достаточно банально на первый взгляд, Кидди. Только приглядывайтесь к тому, что увидите, внимательнее. Кто его знает, может быть, вы заинтересуетесь моим проектом? Вы нужны мне, Кидди. Очень нужны! Не меньше, чем Миха и Рокки!

Стиай вытащил из кармана стопку прозрачных пакетиков и раздал их. Кидди сжал пальцами тонкую пленку и почувствовал, а затем и увидел внутри что-то напоминающее рас-

тительное волокно, изогнутый ризоид.

– Что это? – Он с подозрением уставился на Билла.

– Подручное средство! – довольно закашлялся Билл. – Пока только примитивное подручное средство. Приспособление. Купе для скоростных путешествий появится позже. Можете не волноваться, это не наркотик и даже не галлюциноген. Я называю препарат катализатором, но это мое личное определение. Он слишком сложен в производстве, поэтому – бесценен. В любом случае в дальнейшем мы попытаемся заменить его приборами, для этого собственно и собирается новая команда. И Миха здесь поэтому. Ну это... тоже потом. Сейчас я согласую наши чипперы. – Старик выудил из кармана капсулу симулятора и прищелкнул ее к браслету. – Все-таки некоторая польза от всеобщего контроля есть. Я бросаю линию всем, она всего лишь послужит подобием резонанса между нами. Не пугайтесь, Кидди, это не симулятор эротических наслаждений, это источник резонанса. Чтобы никто из вас не потерялся... там. Вам останется только положить волоконец катализатора под язык и заснуть. Он пропитан слабым снотворным. А там вы все увидите сами...

– Что увидим? – чувствуя, как портится у него настроение, поморщился Кидди.

– Нечто особенное.

Кидди сунул в карман разговорник Михи. Симуляторы действительно казались порченными, даже пластик на них потрескался, а вот разговорник следовало забрать, хотя бы затем, чтобы никто не мог поинтересоваться у виртуального отражения Михи, кто погубил Миху Даблина. Разобраться еще надо, почему он отвечает именно так, ведь Миха закончил его уж точно до собственной гибели, тем более если она была внезапной. Да когда бы он его ни закончил, он был слишком крепким, этот ирландский парень, чтобы погибнуть от переживаний и сердечной недостаточности! Тогда почему? Почему? Черт его знает, что он мог туда накачать, никто не форматировал собственный разговорник под себя, это уже пахло идиотизмом. Даже в юношестве такое извращение никому в голову не приходило: всякий курсант, раздобыв разговорник, торопился наполнить машинку данными собственной девушки.

Чего только не вытворяли, тот же Миха не один час провел под окнами женского коттеджа, записывая голос тогда еще юной Моники. Даже как-то утащил ее блок-файл и залил в базу все материалы без разбора, отчего разговорник потом еще долго вычеканивал голосом Моники формулы вместо душевной беседы. С чего бы это Миха наполнил теперь разговорник собственной персоной? Каким бы он ни был чу-

даковатым, в нормальности ему нельзя было отказать, хотя именно Кидди был самым естественным среди всех, именно естественным, без всякого налета этой юношеской дури. Это ведь Кидди, а не кто-нибудь другой, первым догадался смоделировать в собственном разговорнике начальника их потока, благо материалов о том было более чем достаточно, включая анекдоты от старших курсов и скрупулезную запись всех произнесенных им лекций. Седовласый старик был изрядно удивлен, когда целый курс сдал ему экзамен без единой неудовлетворительной оценки. Еще бы, разговорник с его голосом, созданный Кидди, месяц ходил из рук в руки, ни на минуту не выключался. Всякий хотел протестировать собственные знания у строгого, но безопасного отражения преподавателя. Сам-то Кидди сдал все экзамены на «отлично» и без разговорника, не для этого он с программой возился. Тот разговорник его прославил в академии больше, чем спортивные подвиги прославили Стиая. Та же Моника не сводила с него восхищенных глаз, хотя уже уступила настояниям Михи. Не сразу уступила, а когда уже утомилась стучаться головой, всем телом о неподатливость Кидди. Хотя неподатливость его была весьма избирательной... Может быть, она и с Михой назло Кидди связалась, а потом так и осталась с ним, потому как разозлить Кидди не удалось?

– Пожалуй, что так, – в который раз успокоил себя Кидди, оглянувшись, посмотрел на зеркальную дверь, за которой, наверное, невидимая ему, тряслась в рыданиях или омертвело

молчала Моника, и выругал себя. Сволочь он все-таки, что сел к ней в купе. Зря. Как сама же Моника и сказала ему после его вербовки на Луну, за неделю до того прощания у космопорта, когда она сама продрогла в летнем платье до костей, а Миха положил нервную руку ей на талию и притянул к себе, словно говоря, улетай, улетай же поскорее, бывший друг. Моника тогда держалась великолепно, словно и не было у нее двухчасовой истерики на песчаном берегу, где Кидди пытался собрать из обожженных осколков собственное «я». Как же она отыскала тогда его, если он даже чиппер не надевал месяц? Что она хотела от него, потерявшего силы даже на ненависть к той, что уничтожила его жизнь?

Она тогда действительно рыдала не менее двух часов. Потом затихла. Долго смотрела в небо, точнее куда-то за небо, может быть, пыталась разглядеть невидимые днем звезды. Тербила пропитанную кровью повязку на руке. Или дура, или слишком умная. Разве самоубийца демонстративно вскрывает вены? Дура, скорее всего. Дождалась, когда Кидди в очередной раз выйдет из воды и устало разляжется рядом на песке, прошептала ему неожиданно спокойно:

– Что бы я ни сделала, все оборачивается против меня. Я сама себя ненавижу. Но тебя ненавижу еще больше. Во всем виноват именно ты. Ты сволочь, Кидди. Мерзкая, самодостаточная сволочь. Чтоб ты сдох там, на этой своей Луне! Я это тебе говорю, потому что так думаю, и потому, что хочу облегчить тебе жизнь. Так тебе будет проще. У тебя появится

обида на меня, значит, ты не будешь страдать из-за того, что не можешь ответить мне взаимностью. Или не хочешь. Какая разница, впрочем. А знаешь, почему ты сволочь? – спросила она, когда Кидди открыл глаза. – Потому что ты оглядываешься! Всякий раз, когда надо уходить и не оглядываться, ты оглядываешься! Больше того! Ты не только оглядываешься, но еще и можешь посвистеть, приманить, по головке погладить, но это ничего не меняет! Ты все равно уходишь, и поэтому ты сволочь! Но и этого мало! Ты очень часто возвращаешься, но возвращаешься для того только, чтобы вновь уйти! Сволочь!

Кидди молчал. Он умел заговаривать Монике зубы. Достаточно было немного изменить угол зрения, подпустить черных красок в собственный образ, и вот уже слезы страдания превращались на ее лице в слезы сочувствия, но в этот раз он едва разбирал сказанные ею слова. Другие звучали у него в голове – те, что произнес Стиай, когда нашел Кидди возле лужи расплавленного металла, в которую превратилось купе и Сиф. «Не говори никому, – глухо бросил Стиай, ковыряя носком ботинка обугленную землю, сбив перед этим с ног резким ударом в грудь потерявшего рассудок Кидди. – Никому не говори о Сиф. Она никогда не носила чиппер, поэтому тревогу никто не поднимет. А тебе нужно исчезнуть. Хочешь поработать на Луне?»

Что он тогда ответил ему, вспомнить бы теперь. Или он вообще потерял на время способность говорить? И как давно

это произошло? И почему он слушает теперь Монику? Почему он не придушил ее в тот же миг, как увидел ее в дверях? Откуда взялись силы, чтобы говорить с ней? Что он говорил ей? Пытался объяснить, что меняет работу и отправляется на Луну? Что он забыл на этой Луне? Что он забыл на этом пляже рядом с женой бывшего друга, которая сама по себе со всеми взглядами, истериками, прикосновениями и стала той самой каплей, которая превратила питье его жизни в яд? Или же во всем виноват именно он сам? О чем это она говорит?

Кидди смотрел в глаза Моники, вдыхал не смытый даже морем запах горькой ванили и явственно ощущал, как разгорается в нем холодная ненависть. Почему она кричит? Почему она позволяет себе кричать? Господи, ну ударила бы его хоть раз по щеке, ударила по бесчувственной щеке, побежала по берегу к купе и улетела к Михе, который будет на руках ее носить, да и носит уже, наверное, не первый год, только оставила бы его в покое!

– Я даже думаю, что хорошо, что ты Сиф встретил. Сначала подурнело мне, до темноты в глазах подурнело, когда ты на нее запал. Помнишь, тогда у дома Билла? А теперь я рада. Только она и могла с тобой сладить. Только она и могла тебя ткнуть носом в твое собственное дерьмо. Причем так, мимолетом, проходя. Бросила она тебя? И правильно сделала, что бросила. Это я ей сказала, все рассказала про тебя. Все, до остатка выложила. Ты же себя только любишь, а она

– мир вокруг себя и ни от одного кусочка этого мира даже ради хоть распрекрасного и ни на кого не похожего Кидди Гипмора, особенно на тот случай, если он оказался поганым козлом, отказаться не сможет! Ты наказан, понимаешь? Это я наказала тебя, понимаешь? Я ей сказала, что ты опять был со мной и будешь опять со мной столько раз, сколько раз я попадусь у тебя на пути! Ты мною наказан! Она не простит тебя, а если простит, так я вновь попадусь у тебя на пути, куда бы ты ни сбежал! Ну понимаешь или нет?

– Понимаю, – медленно произнес Кидди, все еще не понимая ни слова из того, что выкрикнула Моника, и так же медленно облизал губы. Так же, как с рвущимся наружу, забытым на месяц желанием облизал бы теперь все стройное тело Моника. Сильное, красивое тело, вымоченное в морской воде и чуть подвяленное на солнце. Тело, которое на самом деле не имело никакого отношения к сумасшедшей жене Мими, а было всего лишь абстрактным совершенным женским телом в силу случая, причудливого извива судьбы, совпавшим с вздорной психопаткой. «Что ж ты нашла во мне, дура? – спросил про себя Моника Кидди, рассматривая песчинки на упругой смуглой груди, напряженное бедро, подрагивающий от прерывистого дыхания живот. – Брось, забудь, беги от меня подальше, я же гадкий, пусть и не потому гадкий, что гадостей тебе желаю, а потому, что жертвовать собой не буду. И не потому, что не хочу, а потому, что не могу, просто раньше не понимал этого, а теперь ясно вижу, что

жертва моя уже принесена и не тебе ее оспаривать, несчастное существо! Ни любить тебя, ни дружить с тобой я не буду, нечем мне любить тебя, Моника. Пустота внутри. А если бы и мог дружить? Ты уже столько в свое безумие крови влила, что тебе обычная привязанность, даже дружба, как нож в сердце будет. Поэтому только так, только так. Сволочь? Хорошо, пусть будет».

– Иди сюда, – прошептал он.

Она подалась мгновенно. Навалилась на него грудью, впилась губами, обхватила и руками и ногами, словно крылья не давала ему расправить. Спасаясь от всепроникающего песка, опираясь на локти, Кидди перекатился вместе с ней к воде, дождался, когда набежавшая волна ослабит ее объятия, подхватил на руки и понес к накренившемуся купе, представляя, что несет на руках Сиф. Через двадцать минут он скажет Монике, что она, конечно, не права, но он все-таки сволочь. Но не из-за нее. Из-за Мими.

– Что увидим?

– Нечто особенное, – загадочно произнес Билл, отвлекая от Кидди взгляды.

Только Моника продолжала смотреть на него. На мгновение Кидди почувствовал досаду, потому что ее безумный взгляд обжигал. Конечно, ему было наплевать на Моника, он вовсе не думал теперь о ней, он ни о чем не мог думать, кроме того, что вот именно теперь напротив него сидит совершенная женщина, которая высекла из него искру, что там искру, зажгла его изнутри, но оставался еще и Миха, который уж точно следил за потерявшей рассудок женой.

– Все очень просто. – Билл ловко, несмотря на то, что на левой руке у него не оказалось указательного пальца, надорвал пакетик, вытащил блеснувшее волоконец и провел вытянутой рукой вдоль собеседников, словно прицеливаясь в них прищуренным взглядом. – Не бойтесь. Повторяю, это не наркотик, не галлюциноген, не что-либо подобное. Это, как я уже сказал, катализатор или, как больше нравится Стиаю, утвердитель!

– И что же он утверждает? – спросила Моника.

– Он... – Билл поцокал языком, подбирая подходящее слово. – Он утверждает сны. Как известно, все видят сны...

– Не все, – улыбнулась Сиф.

– Я-то уж точно не... – начал Кидди.

– Все, – упрямо дернул подбородком Билл. – Правда, некоторые забывают их при пробуждении, да и остальные редко-редко удерживают в памяти дольше нескольких часов.

– Не все, – повторила Сиф. – И ты меня не переубедишь! Если человек не помнит собственного сна, это то же самое, как если бы сна не было вовсе. Даже преступника не судят, если он ничего не помнит о преступлении. Я знаю, папочка.

– Я тоже знаю, – недобро усмехнулся Билл в сторону дочери. – Но понаслышке. Я в продажу ноллениум не пускал.

Мгновенно все соединилось в голове у Кидди. Ну конечно же! Уильям Буардес! Основатель корпорации «Тактика». Мультимиллиардер! Изобретатель множества технологий, связанных с биохимией и исследованиями мозга. Тот же знаменитый ноллениум, прозванный юристами «спасительной таблеткой», который послужил источником множества юридических казусов. Успокаивающее, побочным действием которого оказалась абсолютная потеря памяти об определенном отрезке жизни. Невосполнимая потеря. Окончательная. Рычажок, позволивший многим преступникам уйти от возмездия, – нельзя же судить человека за то, чего он не помнит, пусть даже система опекунов в большинстве случаев в состоянии восстановить любое преступление секунда за секундой! За такую потерю памяти, как слышал Кидди, многие расплачивались приличными деньгами. К тому же ни одного суда по поводу духовной эвтаназии Буардес так и не проиг-

рал. Значит, теперь он добрался и до снов. И Миха, и Рокки будут работать на Буардеса. Стиай работает на Буардеса. Тот самый Стиай, который всегда работал только на самого себя. И Сиф – дочь Уильяма Буардеса. То есть она – бесценный бриллиант в витрине фешенебельного бутика, смотреть на который можно, но только смотреть...

– Всякий видел сны, – пробормотал Кидди. – Кроме меня. Но даже я заходил в салоны сновидений. По крайней мере, я еще не встречал ни одного, кто бы ни разу не совершил путешествие по вымышленным интерьерам и ландшафтам.

– Именно так! – оживленно обернулся к Кидди Билл. – Наведенный сон давно уже стал банальностью! Обыденной вещью. У всякого дома найдется горсть симуляторов. Да, для кого-то это возможность путешествий, для кого-то недоступные в обыденной жизни эротические приключения, для кого-то острые впечатления от кошмарных видений, но сны теперь столь же реальны, как и все прочие достижения цивилизации. И это – благо, как и все, что движет прогресс!

– Отчего же тогда существуют такие строгие ограничения для подростков? – прищурилась Сиф. – Зачем все эти блокираторы в детских спальнях? К чему эта жесткость в законах? Неужели Государственный совет всерьез заботится о психическом здоровье юных граждан?

– Государственный совет боится неизвестности, Сиф, – добродушно прогудел Стиай.

– Именно так, – кивнул Билл. – Ведь государство все еще

не знает, что такое – сны. Да, мы помним десятки имен титанов прошлого, которые изучали сны. Достаточно упомянуть Платона, Аристотеля, Артемидора, Фрейда, Юнга, Лабержа, Клейтмана, Гарфилд, чтобы преисполниться пиетета, но что есть сны? Да, они изучены досконально, поделены на типы и стадии, вскрыты и зафиксированы, но и только! Что они значат для человека? Все, что мы можем сказать по этому поводу, – только предположения. Заменить их в юном возрасте, когда формируется личность, наведенными подобиями, – это все равно что заменить материнское молоко примерно подходящим субстратом. Так вот со снами все гораздо сложнее. Мы уже научились творить наведенные сны, хотя они жалкое подобие глубоких снов, но до сих пор не знаем, насколько приемлем для человеческой породы изобретенный нами субстрат! А вдруг он смертельно опасен?

– Мне уже становится интересно! – восхищенно пробормотал Миха.

– Это безумно интересно! – воскликнул Билл. – А будет еще интереснее! Вот! Я не зря говорил о границах! Вот оно, неизведанное! Стиай, помнишь наш разговор о снах, когда ты пришел в проект? Ну когда я отозвал тебя с Луны? Кстати, Миха и Кидди, ваш бывший лидер действительно обладает выдающимися организаторскими способностями! Так вот, Стиай, я спросил тебя, как тебе симуляторы и все эти колпачки, которые в салонах в то время еще надевали на голову посетителям? Что ты ответил? Почему тебя это не пре-

льщает?

– Помню... – подмигнул Биллу Стиай и резко двинул перед собой кулаком, словно наносил невидимому противнику апперкот. – Чем прельщаться? Там... картинки одни.

– Вот! – весело тряхнул прозрачным волокном Билл и неуклюже, вызвав общий смех, повторил жест Стиая. – Картинки одни! Тактильные ощущения не гарантированы, а если они все-таки и случаются, то неясны и расплывчаты. Картинки! Вот наш утвердитель и действует на картинки. Сейчас мы их и посмотрим. Только не думайте, что сон будет наведенным! Этот симулятор у меня на руке, как я уже сказал, сыграет роль резонатора. Маяка, если хотите. Я всего лишь согласую некую точку, которая объединит наши сны и к которой каждому из вас следует стремиться во сне. Ну хотя бы для того, чтобы продолжить наш разговор там.

– Наши чипперы обратятся в компасы? – озадаченно спросил Миха.

– Да, – с усмешкой кивнул Билл. – Техник навсегда останется техником. Впрочем, в этом, дорогой Миха, и есть твое достоинство. Точность. Точность и надежность, несмотря на всю твою рассеянность в быту, которая, собственно, и является отзвуком твоей точности и надежности. Поэтому ты в нашем проекте. Так же, как и Рокки, который может научить надежности любого. Так же, как и Стиай, который создает надежность на любом участке, где бы он ни оказался. Компас понадобится. Вы увидите башню. Примерно такую же,

какую мне не дали построить вот здесь, на этом берегу. К счастью, до снотворительного мира государство добраться не в силах. Пока не в силах. — Билл погрозил пальцем Стиаю. — Итак, вы увидите башню. Кто-то дальше, кто-то ближе. До нее следует дойти. Там мы все и встретимся.

— Далеко придется идти? — сдвинула брови Моника. — И как там с опасностями? Я кошмары не переношу даже в виде картинок!

— Если тебя не в состоянии защитить муж, старайся держаться поближе ко мне, — прогудел Стиай. — Вместе с мужем, конечно!

— Не получится, — усмехнулся Билл. — У каждого свой сон. Наши сны совпадут только у башни. Но кошмаров быть не должно, местность вокруг башни безопасна. Если даже что-то случится, вы просто проснетесь. Кстати, это тоже тема работы Михи. Любой испуг ведет к пробуждению, которого в будущем нам нужно избегать. Ради реальности. Пока же — мгновенное пробуждение. Или вы боитесь?

— Я? — возмущенно фыркнула Моника.

— Не понимаю. — Кидди задумчиво катал между пальцами прозрачное волоконец. — Не понимаю, какая местность может быть во сне. Не мне разбираться во снах, но все, что я знаю, сны — это нечто эфемерное. Даже их симуляции. Не понимаю, как можно согласовать сны. Не понимаю, как несколько человек могут смотреть один и тот же сон! Не понимаю, как можно применить при просмотре наведенного

сна это самое неведомое мне чувство бездны, которое вы у меня диагностировали!

– Постарайтесь, чтобы вам не пришлось его применять, а на остальные вопросы нам еще только предстоит найти ответ, конечно, если вас это заинтересует, – откликнулся Билл и повернулся к Монике. – Вам все ясно?

– Я ничего не поняла, – грустно усмехнулась Моника: – Билл, как вы собираетесь нас усыпить?

– Просто, – утомленно вздохнул Билл. – Повторяю еще раз. Вы кладете под язык утвердитель, откидываетесь на спинку шезлонга и закрываете глаза.

Отец так и не уехал из города. Кидди принимал это как данность. Мать погибла, когда он был еще слишком мал, он почти не помнил ее, кроме прикосновений мягких рук. Отец продолжал работать, но поменять, в соответствии с имеющимися у него возможностями, квартиру на небольшой домик в пригороде отказался. Пропадая целыми днями где-то в городских недрах, где ему подчинялись среди миллионов километров сетей несколько тысяч трубопроводов и кабелей, он ежевечерне возвращался в добровольное узилище на середине высоты одного из многогранников. Его окна выходили на северную сторону. Отец не хотел видеть солнца. Оно мешало ему забыться. Чаще всего он просто садился в глубокое кресло и бормотал что-то про себя.

Кидди, детство и юность которого прошли в интернатах и общежитиях, до вербовки на Луну навещал отца ежемесячно, но старался не задерживаться в гостях. Отец искренне радовался сыну, но никогда не пытался его удерживать. Кидди понимал причину. Он был слишком похож на мать, и отца это отчего-то раздражало. Кидди даже казалось, что отец вздрагивал, когда встречался с ним взглядом. А однажды он заметил в зеркале, что отец смотрит на него и морщится, словно от боли. Точно так же вскоре и Кидди начало мутить рядом с отцом. От чрезмерной предупредительности,

от показного обожания, от скрываемого раздражения, от горя, пропитавшего маленькую квартирку. Квартирку, в которой ни одна вещь не сдвинулась с места с момента гибели матери Кидди. Хотя и невозможно было понять, чем убогое жилище могло напоминать махнувшему на себя стареющему мужчине ушедшую из его жизни женщину? Или ее дух витал среди застывшего интерьера?

Отец явно сошел с ума. Восемь лет Кидди не переступал его порога, но когда все-таки добрался до единственного родного человека, то едва сдержал болезненную гримасу: доставленному службой космопорта чемодану не нашлось места среди отточенного воспоминания. Он лежал посередине гостиной. Как клякса, небрежно упавшая на творение живописца. Оскорбленный живописец сидел все в том же глубоком кресле. За восемь лет он стал еще старше и еще беззащитнее.

Всю дорогу от дома Моники Кидди думал о встрече с отцом. Ему даже удалось отогнать тревожные мысли о Михе и о необходимости срочно отметить в министерстве, чтобы оборвать последние связи с прошлой жизнью. Кидди думал об отце, который казался ему и раньше, и теперь комом его собственной, Кидди, но стремительно состарившейся плоти, которая все еще неизвестно почему подает признаки жизни, хотя давно уже отсечена и от сердца, и от легких, и от всего. Кидди думал об отце и когда решил не вызывать купе и прогуляться до ближайшей парковки, и когда наговаривал авто-

пилоту такой знакомый и такой чужой адрес, и когда смотрел в окно. Сначала на сельские пейзажи, усеянные уморительными в своих попытках вырваться за рамки стандарта домиками. Потом на плотный ковер леса. Потом на поднимающийся громадой у горизонта, окруженный маревом миллионов летящих купе большой город. Черт возьми! Когда-то отец показывал Кидди древние хроники – как его поразило тогда огромное количество дорог! Как неэкономно расходовалась земля, отдавая предпочтение дорогам перед полями, лесами, наконец, домами! И как все изменилось теперь. Дороги исчезли.

Город вырастал, приближался. Стали различимы отдельные строения, замелькали окна и мохнатые шапки висячих садов. Постепенно внизу сошел на нет кудрявящийся кронами лес, и промелькнула полоса отчуждения. Маревое и толкотня купе обратились строгостью и порядком воздушных магистралей, в которых Кидди с улыбкой узнал работу управления опекунства, проплыли мимо и назад крайние дома, загородили горизонт и часть неба, заполнили все стальными и бетонными тушами жилые монстры, и мир обратился в два уровня пропастей – черные, непроглядные внизу и голубые сверху.

Купе нырнуло в сторону, обогнуло один угол дома, другой...

«Какая к черту разница, северная сторона или южная, – вдруг подумал Кидди. – Солнца ведь все равно не видно с

этого уровня!»

Дождавшись конечных цифр в отчете навигатора, Кидди отключил автопилот и бросил купе вниз, с некоторым напряжением удерживая его в непосредственной близости от плоскости жилой громады. Заверещал зуммер неприемлемого управления, мелькнули серые диски парковок, заблестели стекла квартир и поручни прогулочных галерей. Вот и знакомая стена. Интересно будет узнать, каков теперь штраф за неправильную парковку?

Секунда – и дверь плавно уползла в сторону. Кидди выскочил на галерею, словно и не было внизу полусотни метров пропасти вплоть до первого уровня старомодных страховочных сеток, отмахнулся от жужжащих на уровне лица оставленных предусмотрительной репортерской братией объемных сканеров, замедлил шаги, унимая непонятную дрожь в пальцах, и положил ладонь на замок. Дверь распахнулась. Кидди шагнул внутрь, тут же отключил дверной зуммер, прошел в гостиную и увидел посередине комнаты свой чемодан.

– Привет, малыш! – заковырялся в кресле сутулый старик, похожий на его отца.

– Привет, папа, – сказал Кидди, протягивая руку, чтобы не дать прижаться к себе странному состарившемуся существу.

На экране все того же не изменившегося за восемь лет транслятора в ленте экстренных новостей сам же Кидди с опозданием в минуту перепрыгивал через поручни галереи,

отмахивался от левитирующих сканеров и тут же сменялся раздосадованной физиономией комментатора.

Отец наткнулся на руку, осторожно вложил в ладонь сына сухие пальцы, прижал сверху другой рукой и уткнулся щекой в собственные костяшки.

– Я уже ел, поэтому угощаться не буду, – поспешил сообщить Кидди, осторожно похлопал отца по плечу и присел возле чемодана.

– А где твоя фуражка? – спросил отец, глядя, как Кидди быстро перебирает вещи. – Ты надолго? Ты возмужал, Кидди. Что это за компрессия? В каком ты теперь звании? Что у тебя за значки на петличках? Что мне отвечать журналистам? Какие у тебя планы, сынок? Почему ты так долго не прилетал?

– Ты здорово сдал, папа, – ответил Кидди, выуживая из чемодана легкий гражданский костюм и темные очки. – От чего не сделаешь пластику? Я уж не говорю об обычном курсе омоложения.

– Зачем? – Отец вернулся к креслу. – Я на пенсии. Два года уж. Я ведь тебе сообщал? Ты забыл? Дома меня никто не видит. Зачем мне омоложение? Я не хочу отодвигать время встречи с твоей мамой.

– Надеюсь, ты не хочешь его ускорить? – как можно добродушнее спросил Кидди.

– Не могу ускорить, – поправил его отец. – Боюсь, что тогда мы не встретимся.

– Понятно, – кивнул Кидди, отправляясь в ванную комнату. – На том свете самоубийцы и невинно пострадавшие собираются в разных местах. Отчего бы тогда тебе не стать невинно пострадавшим?

Голос отца не унимался даже в ванной. И это тоже было одной из причин, почему Кидди никогда не мог задержаться у него надолго. Если Кидди действительно эгоист, тогда у него есть причина для этого сомнительного достоинства – наследственность.

– Не ерничай насчет того света, – дребезжал голос отца, кажется, прямо из распылителя душа. – И стать невинно пострадавшим невозможно специально. Это естественный процесс. Специально им можно только не стать. Всякий человек, умерший естественной смертью, уже невинно пострадавший. Просто мне слишком повезло. Бог наградил меня сверх меры, когда подарил мне встречу с твоей мамой. Я был слишком счастлив, счастье переполняло меня. Избыточность, вероятно, всегда плоха. Я забыл, что смерть преследует каждого из нас как метка. Как невидимая метка. Я искушал Бога своим счастьем. И он отнял у меня Элу.

Портрет матери висел и на стене душевой тоже. Кидди стянул с кронштейна раструб душа, направил его на лицо матери, на которую он сам так походил, включил ледяную воду. Размахнулся, чтобы разбить пластик, ударить в тонкий нос, прищуренные глаза, насмешливо изогнутые губы, но сдержался.

– Отец! Ты несешь какой-то бред! Разве можно искусить Бога?

– Бог создал человека как искушение для себя, – ответил отец. – Не для развлечения, а для искушения! Разве можно противиться замыслу Бога? Если он хочет быть искушенным, рано или поздно это ему удастся. И удастся. И тогда он пугается и убивает.

– Ты сошел с ума, – пробормотал Кидди, вставая под струи воздушного массажера. – Ты слишком персонифицируешь Творца. У меня был... есть один заключенный. Он потерял обе ноги, поэтому не работает за пределами зоны. Единственный, кто продержался в зоне двадцать лет. Ковыряется в блок-файле, перечитывает философские трактаты, богословские труды, содержит часовню в рабочей зоне. Так вот он однажды пришел к выводу, что если человечество погибнет, если будет истреблено до последнего человека, если не останется никого, то не станет и Бога.

– Это невозможно проверить, – ответил отец. – К тому же, если Бог есть, он этого не допустит.

– Так Бог есть или его нет? – спросил Кидди, одеваясь. – Ты уж определись как-нибудь.

– Много ли их, действительно определившихся? – спросил отец, когда Кидди вышел из ванной комнаты, выковырнул из кармана кителя разговорник Михи, мяч, переложил все это в карманы костюма, а скомканную форму бросил в чемодан.

– Мало, – ответил Кидди, задвигая чемодан под диван. – Их очень мало. Я, по крайней мере, не встречал ни одного. Все, кого я встречал, как мне кажется, относятся к сомневающимся. Половина из них сомневается в том, что Бог есть. Другая половина сомневается в том, что его нет. А теперь я должен уйти.

Отец смотрел на него молча. Кидди остановился. Оглянулся. Подумал, что он никогда не станет таким, потому что он похож не на отца, а на мать, а мать навсегда останется юной.

– Я тороплюсь, – говорил он и смотрел не в глаза отцу, а на его лоб. – Фуражка моя осталась у Моники. Она мне больше не нужна. Вряд ли я вернусь на Луну. Надоело, знаешь ли, разгуливать по псевдограву. Отдохну. Потом поищу работу здесь. На Земле. Попрошусь обратно в систему опекуинства. Или пойду к Стиаю. Думаю, он поможет. Однажды он помог мне с Луной. Он большой человек теперь, как мне кажется. В крайнем случае всегда можно будет вернуться в нашу службу. Без работы не останусь. Так что я надолго. Квартиру себе найду, а пока мои вещи пусть побудут здесь. Стану тебя навещать. Так долго я не прилетал, чтобы однажды прилететь навсегда и надолго. Журналистам отвечай, что я в отставке. Майор в отставке. Хотя я отключил зуммер. Пусть потолкуются у дверей. Я уйду через служебный коридор. Что такое компрессия, я знаю, но рассказывать об этом долго. Это система, которая делает кошмары явью.

– Для преступников? – спросил отец.

Кидди посмотрел ему в глаза.

– Именно для преступников.

– Как звали того... инвалида?

– Его зовут Борник.

– Хотел бы я с ним побеседовать, – проскрипел отец.

– Не получится, – качнул головой Кидди. – Пока не получится. Ему еще прилично осталось побыть лунатиком. Борник не завтра освободится. Он отказался от компрессии.

Борник никому бы не позволил намотать себя на палец. Он так и сказал Кидди, который пришел знакомиться к преступнику, третий десяток лет полировавшему топчан в тесной камере. «Я никому не позволю намотать себя на палец». Кто бы мог подумать, что за этим человеческим обрубок гонялись полицейские целого материка? Кто бы мог подумать, что именно он довел до нервного тика управление охраны порядка на околоземных трассах? «Сколько людей ты убил, Борник?» – спросил его однажды Кидди. Он всегда старался понять, что двигало людьми, которые становились его подопечными. Понять, чтобы знать, чего от них ждать на Луне. Что двигало Борником, он понять не мог. Тот никогда не грабил частных лиц, изредка покушался на имущество крупных компаний или государства, убивал, только защищаясь, но убивал много и успешно. До тех пор, пока декомпрессионная перегородка на околомарсовом каботажнике не отрезала ему ноги. Он был одиночкой и никак не тянул на нового Робин Гуда.

– Сколько людей ты убил, Борник?

– Я не считал, – ответил ему тогда Борник, оторвавшись от монитора. – А вы, майор, в приступе любопытства могли бы и заглянуть в мое дело, хотя там мои подвиги весьма преувеличены. Да и вообще, с чего бы это вы вспыхнули любо-

пытством на конце восьмого года службы?

Борник был освобожден от внешних работ, но неплохо справлялся с компьютерными системами и, что было удивительно с его сроком, давно уже осел на облегченном режиме.

– Второй вопрос. – Кидди отключил силовую защиту и присел на узкий топчан, который Борник не использовал и на половину его длины. – Почему ты отказался от компрессии? Не хочешь на свободу? Или боишься? Тебе шесть лет осталось? Не так мало.

– Вы уже спрашивали меня об этом, – недовольно пробурчал Борник.

– Когда? – удивился Кидди.

– Вы уже спрашивали меня, отчего я не воспользуюсь тюремной страховкой и не трансплантирую себе новые ноги.

– Но ты же ответил, – усмехнулся Кидди. – Чтобы не работать снаружи купола. Чтобы не искушать судьбу. Меня твой ответ устроил. Хотя об искушении судьбы тебе ли говорить, Борник? Ладно. Но теперь я спрашиваю вовсе о другом!

– О том же, – махнул рукой Борник. – Какое вам дело до моих ног? Никакого! Какое вам дело до моего участия в этой вашей компрессии – никакого. Вы думаете, что я верю в благородство, человеколюбие, сострадание? Не насилюйте себя. Не делайте вид, что вам приятно присесть на вонючий топчан. Вы просто стараетесь быть тюремщиком, у которого все схвачено. А для этого надо... интересоваться разными вещами.

– И все-таки, – чуть поморщился Кидди. – Тебе осталось еще шесть лет. Не так много шансов, что их удастся скостить, но, даже отказываясь от трансплантации, в компрессии ты бы провел эти шесть лет на двух ногах. Так, словно никогда их не терял. Шесть лет, да. Но на ногах.

– Я знаю, – кивнул Борник. – Все, у кого сроки до десяти лет, прошли тестировку. Я тоже из любопытства провел целый день в этой самой компрессии. День, который промелькнул здесь за пять минут или около того. Мне там понравилось. Яркая картинка, густая! Там лучше, чем здесь. Небо над головой. Горы. Ноги, черт меня побери! Я побегал там, да. Вспомнил, как это – жить с ногами. Домишко. Серый, но без надзирателей. Вода. Жратва, правда, могла бы быть и получше, но что ж делать? Я так понимаю, что еда там не настоящая? На вкус ничего так. Я посчитал, кстати. Консервов в камере было месяца на два, не больше. Но все равно. Хорошо там. Я знаю. Многим понравилось. И мне.

– Ну и что? – нахмурился Кидди. – Почему же «нет»?

– Потому, – пробурчал Борник. – Не для этого мне Бог ноги отрезал, чтобы я на виртуальных подпорках даже хотя бы шесть лет прыгал.

– Хочешь сказать, что Бог отрезал тебе ноги? – не понял Кидди. – Нет, конечно, если считать, что Бог создал человека, а человек изобрел, в конце концов, автоматическую систему блокировки в аварийных отсеках, то ноги тебе отрезал Бог, и все же? Если без шуток?

– Я никогда не шучу, майор, – отрезал Борник. – Это вы мне ответьте, скольких я людей убил?

– Более двадцати, – твердо сказал Кидди.

– Я их не считал, – проворчал Борник, – но в газетах видел цифру двадцать два человека. Из них человек десять мне приписали полицейские из-за непонятной щедрости, еще человек восемь погибли заслуженно, а вот остальные пострадали не по своей вине. Вот за это мне Бог и отрезал ноги.

– Подожди, – не понял Кидди. – Насколько я понял, ты прошел тестирование на раскаяние? Что значит – погибли заслуженно?

– Вы мне на тестирование не пеняйте, – вздохнул Борник. – Психологи местные мое раскаяние расшифровывать не пытались, тем более что я ни разу о сокращении срока не ходатайствовал. И если я говорю, что погибли заслуженно, значит, погибли заслуженно.

– Не значит ли это, что ты считаешь убийство человека возможным? – насторожился Кидди.

– Тут следует мгновенно восстановить защитное поле, вызвать специальный наряд, направить ходатайство об отмене сокращенного срока заключения, примененного ко мне как к инвалиду? – Борник раздраженно плюнул на каменный пол. – Вот и еще одна причина не восстанавливать ноги – чтобы срок не удлинять. Остаток в шесть лет лучше, чем в шестнадцать. Не так ли?

Кидди промолчал. Борник отодвинул монитор, погрыз

ноготь большого пальца. Внезапно Кидди подумал, что в деле указан рост заключенного, один метр девяносто сантиметров, словно это до сих пор имело значение. Когда-то Борник был высоким и красивым молодым парнем. Теперь его темные волосы поредели и поседели. Лицо изрезали морщины. Только глаза смотрели упрямо и твердо.

– Вы поймите, майор, – глухо проговорил Борник. – Я в самом деле раскаиваюсь, но не в том, что сделал то, что сделал, а в том, что не нашел такого уголка на Земле, на Марсе, да хоть на Луне, где бы мог жить так, как хочу, и никому при этом не мешать.

– А как ты хотел бы жить? – спросил Кидди.

– А как внутри сложится, так и жить, – наклонил голову Борник. – По совести. Никого не бояться.

– Разве ты боялся хотя бы кого-нибудь? – усомнился Кидди.

– Себя боялся, – прошептал Борник. – В молодости я закипал на раз. Да и перед арестом вот... К примеру, приходит лайнер с Марса на спутник. Ну там, пересадка на паром, кому на Землю, кому на Луну, кому еще куда. Народ, утомленный перелетом, псевдограв топчет, двери открываются, и тут появляется какое-нибудь рыло с нашивками, вроде как у вас, только блеска на петлицах больше, и отталкивает в сторону доходягу, что на Марсе в шахтах половину здоровья оставил, а оставшуюся половину до Земли бережно везет, расплескать боится. Доходяге что, его и на Марсе по голове не гла-

дили, одним синяком больше, одним меньше. Не его вина, что не в тот коридор встал. А мне неважноту становитсяс. И вот я, человек, у которого карточка на чужое имя, у которого фальшивые линзы в глазах, псевдокожа на пальцах и стойка на каждый сканер, потому как моя рожа на мониторах появляется чаще, чем реклама космических чипсов, догоняю этого мерзавца и скручиваю ему башку. Ну может быть хоть что-то дурнее?

– Может быть, – кивнул Кидди. – Пристрелить охранника, запутать восемь патрулей охраны в пакгаузах спутника, выбраться из техзоны через коллектор, в котором температура под пятьдесят, а потом два месяца трястись от холода в трюме грузовика до Марса, где и потерять ноги.

– Я ведь мог уйти тогда, мог, – проворчал Борник. – Грузовик у Фобоса в терминал встал. В другое время я бы спокойно на неприметную банку перебрался, а тут рожа у меня за два месяца уж больно сдала. Щеки ввалились, обычно на грузовиках народ салом заплывает от безделья. Короче, не удалось затеряться. Брать меня начали. Я двух рейнджеров подранил в перестрелке, а третьего, паренька зеленого, прикончить не смог. В компрессионную камеру уже забрался, колено ему прострелил, а он в ноги мне вцепился и тянет. Ну что ты тут будешь делать, приложил я ему импульсник ко лбу, а на клавишу надавить не могу. Он глаз не зажмуривает, понимаешь? Смотрит на меня, а сам браслеты к псевдограву лепит. А перегородка уже сверху ползет. И тут я остановил-

ся. Можно было, конечно, вышибить ему мозги, забраться на каботажник, отсидеться где-нибудь в разработках на планете, приходилось уже, есть там потайные штреки, есть, но вот остановился. Ощущение было, что на краю стою. Вот сейчас расшибу башку мальцу, глаза его серые закрою и с края сваюсь. Не выстрелил.

– А потом? – спросил Кидди.

– А потом все, – усмехнулся Борник. – Отключился я, как косточки мои хрустнули. Когда очухался, уже поздно было трепыхаться.

– Значит, не свалился ты с края, – задумчиво сказал Кидди. – Тебе кажется, что не свалился. И все-таки раскаиваться не хочешь...

– Вы на меня время не тратьте, – вновь наклонился к монитору Борник. – Я теперь умнее буду. Но, если честно, скажу вот что. Дотяну до освобождения если, справлю себе ноги. Если все срастется, как думаю, то уберусь куда-нибудь подальше от городов. В чащу лесную, теперь, слышал, есть деревеньки тех, кто по-старому живет. Где браслеты эти проклятые не носят. Вот там мне место. Где меня за всякую пакость пришибить могут и где я без опаски из всякого пакостника мозги вытряхнуть смогу.

– Не все так просто, Борник, – отчего-то с сожалением проговорил Кидди.

– Да уж чего за простотой-то гоняться? – ухмыльнулся Борник и почесал закутанные в ткань культи. – Я жить хочу,

майор. Жить. Как человек жить! Как думаете, успею еще? А если успею и настругаю мальцов с десяток, простится мне перед Богом частица моих пакостей? А что касается компрессии, мерзавец мне этот не понравился. Котчери. Он в капсулу эту нашего брата укладывает так, словно консервы закатывает. Оно, конечно, очень может быть, что мы другого подхода и не заслужили ни разу, только поверьте мне, майор, он вас так же закатывать будет. Или ерунду у нас бормочут, что и вы на недельку в этот домик в степи отправитесь?

– Не ерунду, – задумчиво пробормотал тогда Кидди. – Личное тестирование необходимо.

– Все на себе испытываете? – с одобрением ухмыльнулся Борник. – За это вас и уважают на зоне, майор.

– Просто, – утомленно вздохнул Билл. – Уснуть просто. Повторяю еще раз. Вы кладете под язык утвердитель, откидываетесь на спинку шезлонга и закрываете глаза.

– И засыпаем? – с сомнением понюхал утвердитель Кидди.

– Я плохо засыпаю, – пробурчал Миха, вытащил волоконец, неловко уложил его под язык, скорчил недовольную гримасу и закрыл рот.

– Это легко! – бодро прокашлялся Стиай. – Главное – под язык, а не наоборот!

– А если дождь? – поежилась Моника. – Как мы проснемся? Ведь дождь – это не испуг?

– Проснуться легко, – прищурился Билл. – Я объясню... там. А что касается дождя, не беспокойтесь, Сиф спит очень чутко. Она почувствует и легко сломает любой сон.

– Что значит «сломает»? – не понял Кидди.

– Тс! – прошелестел Билл, сунул утвердитель под язык и вжался, закрыв глаза, в спинку кресла.

Сомкнул толстые губы Стиай. Закрывает глаза Сиф. Засопел рядом Миха. Кидди еще помял прозрачный отрезок, снова понюхал его, покатал между пальцами, откинулся назад и положил в рот. Утвердитель тут же начал таять, как полоска льда. «Лед не бывает полосками», – поправил себя

Кидди и стал смотреть в небо, думая, следует ли ему закрывать глаза или нет. Он моргнул, чувствуя, что веки тяжелеют, но небо не менялось. Все те же облака ползли со стороны океана куда-то в глубину материка, чтобы или пролиться дождями, или просто пересечь несколько тысяч километров суши, ободрать бока над далекими горами и снова скрыться над океаном. Правда, уже другим. Кидди снова моргнул, снова, небо помутнело, хотя облака были все те же, вот уже и ветер показался жарким, Кидди зажмурился, хотел смахнуть с плеча плед, но не нащупал его, так же как и подлокотников кресла. Внезапно он понял, что сидит на песке.

Это не могло быть сном. Независимо от того, что Кидди никогда не видел снов, если не считать снами короткие мгновения, в которых он проваливался в распахнутую бездну и до утра глож в крошечной темноте, это не могло быть сном. Скорее сном был недолгий пикник на берегу океана, складные кресла, дом на стальных спицах, совершенная Сиф, несчастная Моника, улыбчивый и отчего-то в последние мгновения неприятный старик с прозрачными корешками в пакетах. Там был сон, а здесь твердая, отчетливая явь, оставляющая отпечаток каждой песчинкой, врезавшейся Кидди в ладонь.

Он оторвал взгляд от неба, которое вдруг стало странно белесым, хотя облаков в нем не оказалось, повернулся, зажмурился от слепящих лучей солнца, только начинающего взбираться по небосклону, и внезапно почувствовал все сра-

зу — и жар светила, и сухость воздуха, и осязаемый холод, который все еще таился в песке, но стремительно таял и улетаивался. Смазанная далеким расплывчатым горизонтом рыжая равнина лежала волнами, словно смятое одеяло, но дальше, там, где она соединялась с выцветшим небом, мутной, вероятно непроходимой стеной высились горы. Гораздо ближе, в километре или в двух, резкими тенями выделялись то ли развалины, то ли груды камней; перед ними растопырило черные ветви мертвое дерево или что-то напоминающее мертвое дерево, а дальше, направо, налево, вперед, назад — ничего. Только песок.

Кидди облизал сухие губы, недоуменно оглянулся. Сейчас, в эту самую минуту, он был уверен, что Билл дал им наркотик. Кидди никогда не слышал о подобных видениях, но счесть происходящее сном — не мог. Окружающий его пейзаж был не просто реальностью, он был гораздо реальнее всего, что когда-либо видел Кидди. Или его чувства обострились до предела?

Кидди встал, поднял воротник куртки, хотя возникло желание немедленно ее снять, но все говорило о том, что еще пять — десять минут под жаркими лучами и неприкрытая кожа сползет клочьями.

Вокруг не было никого.

На мгновение Кидди испытал ужас. Жажда донимала все сильнее. Светило не оторвалось от горизонта и на ладонь, а уже становилось трудно дышать. Закричать мешало только

одно: Кидди был почти уверен, что где-то рядом находится невидимый наблюдатель, который только и ждет от него проявления слабости, паники, трусости. Не о трусости ли Билл говорил только что? Кидди коснулся чиппера, но он лежал на запястье бесполезным украшением. Контакт не появился, голос диспетчера опекунства не прозвучал.

«Успокойся, – сказал себе Кидди. – Умереть тебе никто не даст. Если это сон, то чиппер и не должен работать. С чего это он должен работать во сне? Точнее так: он может работать во сне, а может и не работать. Это ничего не значит. Главное, что он работает там, наяву, на руке спящего Кидди, на моей руке. С ним ничего не может случиться. Он не может сломаться, не может слететь с запястья. Главное в том, что сплю я или действительно отправился в какое-то странное путешествие, но мое тело осталось на месте, в кресле, на моей руке чиппер, и любые изменения давления, пульса, температуры, любые сколько-нибудь серьезные сбои в работе организма немедленно вызовут тревогу, и вскоре возле тела появится спасательная служба опекунства. Точно так! Еще в академии Миха несколько раз забывал переключить чиппер перед сауной, и всякий раз это заканчивалось прибытием медицинского патруля».

Кидди усмехнулся воспоминаниям, но тут же ясно представил себе берег океана, дом Билла и почему-то пустые кресла. Ужас вновь заколол в сердце, Кидди расстегнул куртку и быстрым шагом направился к развалинам, досадуя, от-

чего же он не просыпается, как обещал Билл? Или он недостаточно испуган?

Добраться до развалин оказалось непросто. Ноги то вязли в песке, то ступали по твердой корке. То и дело Кидди ловил себя на ощущении, что песок шевелится, струится, словно там, в глубине, перемещались какие-то тела, что-то дышало в толще песка и даже неслышно переговаривалось, ухая и скрипя. Порой он даже останавливался, замирал на месте, вглядывался под ноги, но если и видел какое-то движение, то им неизменно оказывался бег уносимых ветром песчинок. Ложбина сменяла ложбину, солнце уже не пекло, а обжигало, и Кидди вынужден был вытащить из-под куртки рубашку и замотать ею голову. «Глупо, глупо, глупо», – монотонно повторял он себе под нос, высвистывая в такт какую-то мелодию и чувствуя, что песок стремительно нагревается и скоро прожжет подошвы ботинок насквозь. Два километра обратились пятью. Не раньше чем через час в стороне осталось дерево, которое вблизи больше походило на обугленный остов строительного механизма, развалины приблизились настолько, что были отчетливо различимы какие-то арки, колонны, обвалившиеся стены. Раскаленный песок уже, казалось, изменил цвет, когда Кидди наконец добежал до почти утонувшего в нем обломка стены и нырнул в спасительную тень. Тяжело дыша, он прислонился к камню и тут же упал на руки. Стена успела прогреться насквозь. Кидди стянул с головы рубашку и уставился в небо. Мучительный

страх забился в груди и висках, занял в коленях, но он вновь не проснулся! Еще часа три-четыре, и светило доползет до зенита. Лучи упадут вертикально вниз, и жалкие обломки камня не спасут Кидди. Только он не дотянет до полудня. Он погибнет раньше, потому что уже теперь не может не только стоять, он не может дышать. Горячий воздух обжигает глотку, высушивает его изнутри!

Кидди попытался сглотнуть несуществующую слюну, поднялся на дрожащих ногах. Что там сказал Билл? Проснуться легко? Как легко? Как проснуться? Ущипнуть себя? Зачем? Разве может боль заставить выбраться из этого морока, если она и так присутствует в его теле – печет ноги и плечи, лохмотьями сдирает кожу с ушей и рук? Как проснуться? Что он знает о снах? Что там рассказывал Томас Брюстер, когда наконец оторвался от заботливой чернокожей мамочки и оказался в одной комнате с четырьмя молчаливыми сокурсниками, которым еще только предстояло стать его друзьями? Что он рассказывал о кошмарных снах, преследовавших его в детстве? Как избавлялся от ночных ужасов? Осознавал, что спит, и его сон распадался на лоскуты, рвался, как ветхая ткань? Так разве это ветхая ткань? Не проще ли было разорвать ветхую ткань той яви, в которой Кидди выбрался с Михой и Моникой на пикник к океану? Холодный берег гораздо больше заслуживал признания в нереальности и зыбкости, чем этот раскаленный песок!

«Прыгнуть!» – внезапно вспомнил Кидди. Он должен

немедленно прыгнуть с высоты! Брюстер всегда так просыпался, когда был еще слишком мал, чтобы относиться к собственным снам как к снам, а не как к ночной реальности. Кидди еще смеялся над испуганным Томми и гордо заявлял, что лучше вообще не смотреть снов, чем просыпаться среди ночи в холодном поту, а Брюстер упрямо повторял, что сны – это здорово, вот если бы среди них не было кошмаров, но и с кошмарами можно бороться, главное – прыгнуть! Нужно прыгнуть с высоты, и сон закончится! Тем более что песок мягкий. Он раскален, но он мягкий. Даже если Кидди не проснется, он не погибнет. Это точно. Не погибнет. Да какая разница, если и погибнет? Не лучше ли погибнуть при падении, чем поджариваться на медленном огне? Прыгнуть!

Оглянувшись еще раз, словно где-то рядом могло появиться избавление от ужасной участи, Кидди оторвал от рубашки рукава, снова замотал полотенцем голову, пустив остальное на ладони и, стараясь держаться тени, принялся перебираться к полуобрушенной стене какого-то здания, которая торчала над песком метров на десять. Когда он дошел до цели и разглядел вблизи выщербленную кладку из странного, тонкого кирпича, сознание удерживалось в его голове только усилием воли. Может быть, именно боль помогла ему забраться по обвалившейся стене наверх, потому как раскаленные камни оставляли ожоги на ладонях и коленях даже через ткань.

Наверху был суший ад. Чужое солнце слепило так, что по-

ловина мертвой равнины словно вовсе не существовала, даже взглянуть в ту сторону не было возможности. Горячий ветер жадно лизал обожженное тело, делая боль невыносимой. На мгновение Кидди показалось, что пот застывает ему лицо, он коснулся трясущейся ладонью сухой кожи, мельком увидел на краю мертвого городка то ли быстрый силуэт, то ли стремительный смерч и упал вниз.

Он ударился о песок боком. Удар не выдернул его из кошмара, а словно запечатал в нем навечно. Лязгнули челюсти, пронзила боль от прикушенного языка, ухнули куда-то внутренности, рот наполнился кровью. Точнее, не кровью, а вкусом крови, потому что влаги во рту не прибавилось. Кидди медленно подтянул колени к груди, желая теперь уже только мгновенной смерти, когда рядом раздался звук быстрых шагов и песчинки ударили ему в лицо.

– Вот уж не повезло, – донесся откуда-то сверху голос Сиф. – Как же это тебя сюда занесло? Билл должен быть предусмотрительнее, я же сразу дала ему понять, что ты слишком тяжел. Нет, твое путешествие придется прекратить.

– Подожди, – прохрипел Кидди, поднимаясь на четвереньки и пытаясь разглядеть Сиф. – Сейчас. Подожди. Что это? Где Билл?

– На месте, – усмехнулась Сиф. – А ты вот... ладно. До башни мы не доберемся. Просыпаться будем.

– Как просыпаться? – с трудом вытолкнул из глотки слова

Кидди. – Как проснуться?

Сиф стояла напротив. Кидди видел только силуэт, окаймленный лучами безумного светила, как пламенем, но ему отчего-то показалось, что она свежа и спокойна, словно не чувствует ни испепеляющего зноя, ни смертоносных лучей, ни убийственной сухости.

– Выплюни утвердитель, – потребовала Сиф.

– Он растаял, – мотнул головой Кидди, выпрямился и едва не повалился навзничь.

Сиф поймала его неожиданно твердой рукой, бесцеремонно схватила за подбородок и запустила в рот пальцы.

– Он в порядке.

Белоголовый крепыш с круглым, словно прилепленным к плоскому лицу носом, тюремный медик и единственный приятель Кидди на Луне – Тусис, который относился к нововведениям корпорации откровенно скептически, отключил сканер и хмыкнул в сторону поджавшего губы Котчери.

– Вы сделали правильный выбор, советник. Сомневаюсь, что и пятьдесят лет заключения выведут этого типа из строя. Все в полном порядке. Вот только не думаю, что положительный результат в данном случае может подтвердить какую бы то ни было статистику. Для статистики требуются среднестатистические объекты, а не пышущие здоровьем маньяки! Выборка слабовата! Или наоборот – чересчур непробираема!

Кидди не отводил глаз от монитора. Ридли Бэнкс неподвижно смотрел перед собой. Кидди уже видел, как возвращаются компрессаны, но всякий раз не мог отделаться от ощущения, что человек не просыпается, а оживает. Ридли Бэнкс именно проснулся. Не было ни мертвенной бледности в лице, которая, как уже привык Кидди, постепенно замещалась нормальным цветом лица. Не было истерики, тошноты. Ридли Бэнкс не жмурился, словно глаза внезапно отказали ему, ни о чем не спрашивал. Кидди вошел к нему

первым, когда техник корпорации Келл еще только включал режим выведения заключенного из компрессии, а затем снимал с бессознательного тела колпак компрессатора. Примерно через полчаса после начала процедуры Ридли медленно открыл глаза, глубоко вздохнул, попытался шевельнуть закрепленными металлическими лентами руками. Увидел Кидди и презрительно усмехнулся:

– Надо же? У меня словно из головы вылетел тот давний разговор. Я уж думал, что меня и в самом деле... упекли.

– Тебя в самом деле упекли, – кивнул Кидди. – Заключенный не знает, что он находится в компрессии. Это называется – отбой памяти. Воспоминания о погружении в компрессию замещаются специально подготовленным видеорядом. Но при твоём втором погружении ты будешь знать.

– Сколько здесь прошло времени?

– Два дня, – сказал Кидди.

– Не может быть, – скривился Ридли. – Я делал зарубки... на стене. Двадцать лет. Прошло двадцать лет. Разве их можно вместить в два дня?

– Компрессия, – пожал плечами Кидди.

– Хорошая пытка! – усмехнулся Ридли. – Хорошая пытка! Ты еще не передумал, начальник? Не отказываешься от своих слов? Смотри! А то ведь я доберусь до тебя! Когда обратно?

– Сегодня же, – твердо сказал Кидди. – Тебя накормят, хотя питательные вещества и так поступали в твой организм,

приведут в порядок. Потом ты отправишься туда же, где уже был.

– Еще на два дня? – оскалил крепкие зубы Ридли.

– Еще на двадцать лет, – отчеканил Кидди.

– А потом? – спросил заключенный.

– Потом будет перерыв. Месяц, два. Настоящий месяц. Требуется время, чтобы рассмотреть возможность твоего помилования. С тобой будут общаться психологи. Тебя будут наблюдать врачи. От этого месяца или двух будет зависеть многое. Вот только он настанет через двадцать лет. Не раньше.

– Ты знаешь, как я провел эти двадцать лет? – спросил Ридли.

Кидди ответил не сразу. Впервые ему показалось, что убийца действительно заинтересован в ответе.

– Я знаю стандартные условия содержания заключенного... в компрессии, – запнулся Кидди. – Двадцать лет – это много, но при необходимости я могу увидеть любой твой день из этих двадцати лет.

– Хотел бы я, чтобы ты увидел все мои дни, – широко улыбнулся Ридли. – Чтобы ты вышел на пенсию, сидел в маленьком домике перед экраном и день за днем без перерыва просматривал все мои двадцать лет. Или сорок лет. Подряд. Не отрываясь.

Он был абсолютно спокоен.

«Необходимо повторное сканирование мозга, – подумал

Кидди. – И, возможно, более подробный отчет о проведенной компрессии».

– Я увижу все самое важное, – ответил он вслух.

– Я подскажу тебе, что самое важное, – оторвал голову от каталки Ридли. – Я сделал флягу! Ты можешь себе это представить? Я сам сделал флягу! Плевать, что я ее сделал... в этой самой компрессии. Я сделал ее. Ты понимаешь? Это было десять дней назад. Понимаешь?

– Я понимаю, – кивнул Кидди.

– Если ты обманешь меня, Кидди, я найду тебя и сделаю флягу из тебя, мерзкий ублюдок! – неожиданно выругался заключенный.

– Хорошо, – безучастно ответил тогда Кидди. Теперь он смотрел на отвратительное, улыбающееся лицо убийцы на экране монитора и хмурился.

– О чем вы грустите, Кидди? – Котчери коснулся его локтя, но тут же убрал руку, словно остерегся грубого окрика. – Результаты более чем прекрасны. И не слушайте этого вашего медика, дай таким волю, они все подчинят статистике! За чем же подвергать тюремному варианту компрессии обычных людей? Именно этот вариант программы предназначен для отбросов общества!

– Разве вы не говорили, что собираетесь расширять сферу ее использования? Разве не говорили о больных, о стариках, о тех, кому не хватает времени на обучение?

– Я не отказываюсь от своих слов, – прищурился Котче-

ри. — Только вот дело-то в чем — ни больные, ни старики, никто иной не будут проводить дни в тюремной камере или в затерянном замкнутом мире, в заброшенной в пустоте зоне, как предусмотрено в конкретной программе. Зачем им вынужденное уединение, общение с самим собой? Пока наша программа рассчитана только на заключенных, но если бросить канал связи с земным опекуном... Рано или поздно все получится. Сейчас это слишком дорого, но когда-нибудь те же умирающие старики действительно будут жить наполненной, чудесной жизнью! Не верите? Похоже моего красноречия недостаточно. Устроить, что ли, вам встречу с вашим другом? Стиай Стиара многое мог бы рассказать вам о его перспективах!

— Устройте! — резко обернулся к Котчери Кидди. — Стиай когда-то был весьма здравомыслящим парнем. Только сначала закончим программу испытаний с Ридли. Подождем месяц, другой. Проверим все. Потом тестирование пройду я.

— Тоже хотите отдохнуть в изолированном домике двадцать лет? — ухмыльнулся Котчери. — Представляете? Вы проведете черт его знает где двадцать лет, а среди сотрудников базы никто ничего даже и не заподозрит! Вас не хватятся! И ваша прелестная Магда не будет знать, что вы могли и забыть о ее существовании за двадцать лет! Я внесу изменения в результаты тестирования, и вы даже доказать не сможете, что моею милостью отдыхали от праведных трудов в уединении двадцать лет! Не бойтесь?

– Я не склонен к розыгрышам, – отрезал Кидди. – В программе испытаний указана программа личного тестирования – неделя в компрессии! И имейте в виду, что я намерен отнестись к испытанию со всей серьезностью. Более того, когда оно закончится, я просмотрю записи каждой собственной минуты в компрессии! К сожалению, я не могу проконтролировать таким же образом двадцать лет этого Ридли, но основные моменты должен увидеть.

– Вы увидите программу Ридли, – сухо кивнул Котчери. – Машина не обманет вас. Да, были попытки членовредительства, испытуемого интересовало, как быстро заживают порезы и ушибы, но вот к суициду склонностей у Ридли не обнаружилось. Он довольно хладнокровен и терпелив, как оказалось. Впрочем, пусть этим интересуются психологи и медики. Вы сможете увидеть любой день из тех, что составили двадцать лет Ридли Бэнкса.

– Отлично, – поднялся Кидди. – Через час Ридли отправится в следующее путешествие, и мы получим ответ еще на один вопрос: как переносится компрессия, если заключенный знает о ней во время компрессионного сна. Два дня, плюс два месяца его адаптации, плюс мое личное тестирование. Глядишь, через три месяца пойдет отсчет контрольных десяти лет.

– Вы по-прежнему не согласны ходатайствовать о сокращении этого срока? – осведомился Котчери.

– Пока я не готов говорить об этом, – сухо бросил Кидди

и шагнул к выходу.

– Тогда сократим этот срок хотя бы на пару месяцев? – крикнул ему в спину Котчери.

– О чем вы? – обернулся Кидди.

– О Ридли Бэнксе, – медленно произнес Котчери. – Программа испытаний скорректирована. Изменения согласованы с вашим министром. Вы сможете приступить к личному тестированию раньше. В ближайшие дни. У нас две капсулы.

– Что вы имеете в виду? – не понял Кидди.

– Ридли Бэнкса никто не собирается будить, – объяснил Котчери. – Он будет находиться под наблюдением, но это путешествие в один конец. Это испытание предела компрессии. Посмотрим, сколько он продержится. Посмотрим, как будет реагировать его физиология на жизнь длиной в несколько сотен лет. Исключительная возможность, не правда ли? Наши исследователи об этом могли только мечтать. Нынешний эксперимент слишком важен. И знаете, что самое главное? У меня есть распоряжение министра о засекречивании этой части испытаний! Вот, ознакомьтесь!

Холодная вода обожгла, и на мгновение Кидди уверился, что сном были не эти несколько ужасных часов в раскаленной пустыне, а те минуты между его пробуждением и купанием в океанских волнах. Спящие в креслах, укрытые пледами Билл, Моника, Стиай и Миха. Глухой, словно доносящийся через закрытые двери прибрежного бунгало рокот волн. Голос Сиф, который словно не нес информацию, а являлся первородным щебетом, облекающим ощущения в смыслы, минуя слова. Вкус напитка из начатого пузыря, который утолил жажду первым же глотком, но продолжал и продолжал литься в глотку. Боль ожога на лице, руках, плечах, спине, которая проходила от прикосновений. Опять голос Сиф, опять щебет. Короткая прогулка по сырому песку. Упругие икры, округлые ягодицы, прямые, но гибкие плечи, тонкая шея Сиф. Как она сбрасывала одежду. Все было сном вплоть до того момента, когда Кидди и сам разделся и как заговоренный двинулся вслед за спасительницей навстречу холодным волнам, которые омыли ее бережно, а Кидди безжалостно сшибли с ног.

– Умеешь плавать? – поймала она его за руку. – Не шути с волной, она может поддаться, а потом утащить на глубину!

Кидди резко выпрямился, словно его спящие моторы получили долгожданную энергию, стер с лица ладонью соленые

брызги и тут же нырнул в набегающую волну, яростно забил руками, чтобы выбраться на ее гребень, но вскоре кувырнулся через голову и, отплеываясь, оказался на песке.

– Довольно! – рассмеялась Сиф. – Сегодня не самый лучший день для купания. Это только способ охладиться. Смыть ожоги. Кожа слезала у тебя с плеч!

– Ведь это был сон? – наконец обрел дар речи Кидди.

– Какая разница, сон ли это был или нет? – прищурилась Сиф. – А если и сон? Ты думаешь, что выжил бы без меня там?

– Разве нет? – не понял Кидди. – Почему я не проснулся, как обещал Билл?

Она пожала плечами, задумалась на мгновение.

– Ты слишком тяжелый. Даже тяжелее, чем Билл. Ты смог провалиться даже с утвердителем. Но он привел тебя... без-ошибочно.

– Куда привел?

Кидди задал вопрос машинально, отзываясь на не вполне ясную фразу, потому что даже будь смысл слов Сиф абсолютно доступным, он все равно бы не понял ни слова. Желание всколыхнуло бывшее только что истерзанным тело и проявило себя самым очевидным образом. Сиф не стала отвечать ему. Она закрыла глаза и замерла, прислушиваясь к чему-то. Кидди разглядел мурашки на ее груди и протянул руку:

– Пойдем.

Сиф кивнула и пошла рядом с ним к брошенной одежде, не вздрагивая от неожиданно резких порывов ветра, словно эти мурашки не касались ее вовсе. И даже когда Кидди укутал ее в плед и прижал к себе, замирая от ощущения плоти под тканью и прикосновения к ткани собственной плоти, она прильнула к нему не в поиске тепла, а в другом желании – тоже очевидном и недвусмысленном.

– Почему? – только и спросил ее Кидди, когда она уже обессиленно лежала рядом, прильнув к нему грудью, и с улыбкой просеивала между пальцами песок на его живот. – А как же Стиай?

– Ничего глупее ты спросить не мог? – тень досады промелькнула в ее голосе. Точнее нет, не досады – недоумения. Впрочем, она рассеялась тут же. Кидди промолчал. Он не знал, что должен говорить, и должен ли говорить хоть что-то. Более того, он даже не смог бы тут же вспомнить, что она сделала с ним или что он сделал с ней. Он, конечно, мог по секундам повторить все собственные движения, тем более что они были просты, как движения неопита, впервые добравшегося до женского естества, мог вспомнить вкус каждой клеточки ее тела, но он не мог бы вспомнить, что происходило с ними.

– Что это у тебя? – Он вдруг заметил пластырь телесного цвета на плече.

– Так. – Она сдвинула брови. – Отметина. Не забивай себе голову, считай, что у меня подход к собственному телу

такой же, как у моего папочки. Лучше скажи, о чем думаешь теперь?

– О пустяках, – отчего-то сказал правду Кидди. – Какая-то ерунда в голову лезет. Брюстера вспомнил.

– Я его знаю, – кивнула Сиф. – Стиай знакомил нас с Рокки и Брюстером. Рокки маленький, но твердый. Он пытается быть мягким, но у него не получается, и не получится. Брюстер интересный, но пуганый и обиженный. Утомительно выковыривать его из раковины. Впрочем, я и не пыталась. Зачем он мне?

– Пуганый? – не понял Кидди. – Не знаю... А вот насчет раковины – ты права. Он всегда пытался спрятаться в чем-то. В каком-то деле. Даже его медицина – большая раковина. Его семья – раковина. Его ухмылки и болтливость тоже раковина. Но он хороший врач.

– Что ты о нем думал? – прищурилась Сиф.

– Он увлекался фильмами. Не нынешними, а древними. Плоскими. Самыми первыми лентами. Собирал их, изучал. Обработывал, раскрашивал, придавал объем, пытался озвучивать. Так вот обнаружил один казус. Когда программа восстанавливала по артикуляции голоса актеров немых фильмов, частенько оказывалось, что они говорили какую-то ерунду.

– То есть? – не поняла Сиф.

– Ну например, идет любовная сцена, герой заламывает руки, произносит что-то пафосное, а дешифратор восстанавли-

ливаает какую-то чушь, чуть ли не ругань или просто бессмысленный набор звуков. Непонятно, как актеры удерживались от смеха, произнося всякую белиберду.

– Напрасно он взялся за это дело, – перевернулась на спину Сиф. – Всякая попытка разобраться в чем-то досконально обычно приводит к разочарованиям.

– И все-таки, – Кидди коснулся ладонью еще помнившей боль ожога шеи. – Что это было?

– Билл ведь все объяснил. – Сиф повернула голову и стала говорить, прижимаясь губами к его коже: – Сон. Сон, скрепленный утвердителем.

– Но ведь ты спасала только меня? А как же остальные?

– С ними все в порядке. Не волнуйся.

– Мне, выходит, просто не повезло? – усмехнулся Кидди, чувствуя, как его тело словно распадается на части – ее дыхание, обжигающее кожу, новое желание, тепло от Сиф и холод от ветра. – Первый раз в жизни увидел сон, но сразу же попал в какой-то кошмар, а до обещанной башни не только не добрался, но даже и не увидел ее. Или мне, наоборот, повезло?

– Ты не виноват, – прошептала Сиф. – Ты слишком тяжел для снов. Но все можно исправить. Можно привыкнуть. Попасть в сон – это как попасть в тональность. Это тренируется. А башня оказалась для тебя слишком далеко. Она была за горами.

– Ты хорошо знаешь ту местность? – удивился Кидди.

– Ты попал в мой... – Сиф запнулась. – ...в мой сон. Я его хорошо знаю. Ты провалился сквозь те сны, которые готовил Билл, и попал в мой. Может быть, из-за утвердителя. Не знаю. Мой сон... настоящий. Я не знаю, какие сны у твоих друзей, даже с утвердителем они могут быть почти настоящими, а могут быть прозрачными, как утренняя дымка над водой, но утвердитель все равно привел бы их к настоящему сну. А башня... Билл не создавал сна, он пока еще не может этого, он только дал всем созвучие к собственному сну. К сну Билла. Билл специально приводит всех в башню: чем больше человек придет в нее, тем она будет прочнее. Она пронзает чужие сны, как острый шип протыкает листья.

– Не понимаю, – признался Кидди. – А что значит быть слишком тяжелым?

– Тяжелый проваливается, – объяснила Сиф и неуверенно добавила: – Билл тоже тяжелый, но он цепкий, а ты – гордый.

– Понятнее не стало, – рассмеялся Кидди. – Хотя гордый лучше, чем трусливый. Хорошо, а как ты нашла меня?

– Я почувствовала тебя. – Сиф вытянулась, уперлась носками в подъем стопы Кидди, прижалась и задышала ему в ухо: – Почти вот так. Я тебя научу... потом. Это просто. Захотела, почувствовала, нашла. Только в таком порядке.

– А как же все остальные? Увидели башню и добрались до нее?

– Конечно, – улыбнулась Сиф. – Только не думай, что им достался ночной лес. У каждого свой сон, общая только баш-

ня.

– Почему... – Кидди приподнялся на локте. – Почему ночной лес?

– Там, – Сиф наморщила лоб, – есть жизнь. Но она невозможна днем. Солнце сжигает все. Там все есть – деревья, птицы, трава, звери. Целый лес. Но днем он скрывается в толще песка. Выбирается только ночью. Но я бы не советовала тебе оказаться там ночью. Это еще страшнее.

– Подожди... – Кидди нахмурился. – Я начинаю путать сон и явь. Не хочешь ли ты сказать, что сон, скрепленный утвердителем или нескрепленный, это нечто зафиксированное во времени и в пространстве? Клянусь тебе, для меня так же ясно, что сон находится здесь, – Кидди постучал себя по голове, – как то, что Земля вращается вокруг Солнца? Разве это сознательная иллюзия? Плод работы дизайнеров, художников, аниматоров? Какой лес? Я скорее соглашусь, что двое могут одновременно видеть один сон, чем поверю в реальность пережитого!

– Разве я требую от тебя веры? – Она смотрела на него с веселым удивлением. – Конечно, я могла бы тебе сказать, что в самом определении «реальность» кроется условность, продиктованная позицией наблюдателя, но зачем?

– Чтобы знать! – Кидди нахмурился. Слова Сиф казались ему туманом, который скрывает, проглатывает истинные очертания произошедшего. – Вот лес. Откуда ты знаешь о лесе?

– Все знать нельзя. – Она смотрела на него успокаивающе. – Нужно чувствовать. Это как любовь. Ты же не можешь знать всех женщин, достаточно их чувствовать. Знать дано немногих. Может быть, ни одной.

– Подожди. – Кидди посмотрел в небо. – Я действительно никогда не видел снов. Но это не было сном!

– Ут-вер-ди-тель, – по складам произнесла Сиф. – Он не только дает ощущение реальности, он рассеивает туман, зыбкость, пронизывающую наши сновидения. Считай его самого волокном сна. И вот, когда зыбкость развеивается, выясняется, что сны бесконечно разнообразны, но очень часто похожи друг на друга даже у разных людей. И этот лес доступен многим. К счастью, люди заглядывают в него без утвердителя под языком.

– И... – начал Кидди.

– И просыпаются в холодном поту. Мне уже приходилось бывать в... ночном лесу.

– Не понимаю, – признался Кидди.

– Я помогала Биллу строить башню и облазила окрестности вокруг нее.

– Чем больше я получаю объяснений, тем меньше понимаю, – потер лоб Кидди. – Предположим, что это так. Предположим, что в каком-то сне Билл строит башню и даже имеет возможность, уснув снова, продолжить строительство. Предположим, что умозрительное приобретает, пусть только на время сна, свойства реальности. Но как, как тогда ты

пересекла пустыню? Я что-то видел перед прыжком...

– Не говори, – остановила его Сиф. – Не говори о том, что не смог разглядеть, пока не разглядишь. Для того чтобы понять, нужно пережить.

– Пережить? – Кидди недоуменно сел. – Вот я и пережил, и что?

– С моей помощью, – она положила ему подбородок на плечо. – А сам?

– Как тебе это удалось?

– Это не так уж и трудно, – ответила Сиф, натягивая на обнаженные плечи плед. – Главное правило все то же – захотела, почувствовала, нашла. Глагол может меняться. Захотела, почувствовала, пробежала по раскаленной пустыне. Правда, Билл упрощает. Он говорит, что главное – хотеть именно то, что реально получить. Вот, к примеру, как тебя. Гораздо труднее не получить то, чего не хочешь. Но тоже возможно. Но самое трудное – не потерять то, что получил. А я не согласна. Мне кажется, что главное – хотеть то, чего хочется, не задумываясь о реальности. Неужели ты думаешь, что я рассчитывала тебя получить?

– Даже не знаю, должен ли я обижаться, – напряженно пробормотал Кидди.

– Спроси об этом у своего чувства бездны, – подмигнула ему Сиф и вскочила на ноги. – Наши уже проснулись!

– Сиф! – донесся окрик Стиая.

– Я здесь! – звонко закричала она. – Сейчас иду!

– Сейчас Билл спросит, почему мы не были в его башне, – нахмурился Кидди.

– Почему же не были? – удивилась Сиф. – Возможно, были. Откуда ты знаешь, что снилось остальным?

– Кидди! Кидди Гипмор!

Голос был знакомым, но Кидди не останавливался до тех пор, пока Хаменбер не схватил его за рукав.

– Стойте, Кидди! Вы не убежите от меня просто так.

Кидди раздраженно обернулся. В последние полчаса он удачно выскользнул из квартиры отца через технический коридор. Воспользовавшись служебным лифтом, спустился до торгового уровня. Не рискуя выбираться к парковочным залам, миновал несколько гипермаркетов, ступил на ленту эскалатора, нырнул в полупустой вагон подземки, отсчитал десяток станций и уже собрался затеряться в толпе на парковом узле, как линию бросила Моника. Она еще ничего не сказала, а Кидди уже узнал ее молчание, дыхание, которое подсказывало, что она или только что рыдала, или собирается рыдать. Он шагнул в сторону, выбрался из толпы у поблескивающей металлом арки, брезгливо отпихнул оборванного попрошайку, остановился возле старика, который сидел на куске пластика с короткой деревянной дудкой в руках, но не играл, а словно спал с открытыми глазами, и спросил:

– Ну ты как там?

– Ты где? – справилась с дыханием Моника.

– Был у отца.

– А сейчас? Ты уже был у Брюстера?

– Что ты хочешь? – с тоской оглянулся Кидди.

– Скажи Брюстеру, чтобы он... Скажи, что я не могу спать, что он должен прилететь и все объяснить мне. Мне не все равно, отчего умер Миха. Мне вовсе не наплевать на Муху. Пусть он не думает так!

– Я не понял.

– Скажи, что он должен все объяснить мне! – повысила она голос.

– Скажу.

– Спасибо.

Она помолчала ровно столько, чтобы понять, сбросил ли Кидди линию или нет.

– Ты где решил остановиться?

– Еще не решил.

– Я же знаю, ты не уживешься с отцом и одного дня.

Она торопилась сказать эти слова.

– Имей в виду, что я дома. Если хочешь, я уйду. То есть уеду. Ты можешь ночевать. У нас... у меня тут тихо. Ну если... Ты понимаешь? Тут были журналисты, не застали тебя, я сказала, что ты не вернешься...

«Не вернусь», – подумал Кидди.

– ...сказала, что ты не вернешься, и они убрались, задав мне кучу глупых вопросов, на которые я отказалась отвечать...

– Ты несешь какой-то бред, – оборвал ее Кидди и тут же добавил, поморщившись: – Мы обязательно еще увидимся.

Я не собираюсь сегодня к Брюстеру, может быть, завтра. Поговорим обо всем. К тому же я забрал разговорник Мухи.

– Хорошо, – прошептала Моника. – Они не вернутся, не волнуйся. Прилетай.

Кидди сбросил линию и присмотрелся к старику. Он сидел с закрытыми глазами, перебирал пальцами отверстия дудки, надувал щеки, но не извлекал ни звука. Чиппер на его запястье иногда пощелкивал, словно неслышимой музыке внимали невидимые слушатели и неосознанно сбрасывали на счет музыканта скромную благодарность. Кидди задумался, в очередной раз убедился, что под ногами не псевдограв, а уличный пластик, и направился к эскалаторам. Тут его и догнал Хаменбер.

– Стойте, Кидди! Вы не убежите от меня просто так!

Ол Хаменбер тяжело дышал и, расстегнув рубашку, обмахивался шейным платком.

– Чего вы хотите? – шагнул в сторону и стряхнул с рукава руку толстяка Кидди.

– Подождите! – согнулся Хаменбер. – Подождите, а то я свалюсь с сердечным приступом, и вы будете вынуждены оказывать мне первую помощь! Дайте отдышаться! Вот уж не думал, что придется побегать. Мне это тяжело, несколько лет назад пришлось пережить баротравму, не могу до конца залечить последствия. Голова раскалывается. Сейчас.

– Я юрист, Хаменбер, – отрезал Кидди. – Я прекрасно знаю свои права. Не доставайте меня.

– Бросьте, – усмехнулся, не разгибаясь, Хаменбер. – Я хочу вас спасти.

– Разве мне что-то угрожает? – нахмурился Кидди.

– Безусловно. – Толстяк наконец выпрямился и вытер платком лоб. – А вы еще не заметили? Ну из парома вы улизили удачно, но долго так продолжаться не может. Вас настигнут.

– Кто? – нетерпеливо оборвал его Кидди.

– Коллеги! – развел руками Хаменбер. – Мои коллеги! Понимаете, эта ваша компрессия сейчас в топе новостей и, по моим представлениям, продержится там не меньше недели. Это если, конечно, не разогревать ее. Если разогревать, то и месяц, и больше! Представьте себе такой заголовок: «Убийца, осужденный на десять лет лишения свободы, хорошенько выспался, через неделю вернулся домой и задушил собственную жену!» Как вам? Представляете? Не лучше ли все разъяснить, закруглить тему? Ну провести шоу, три или четыре круглых стола, пригласить компрессанов из числа наиболее благонадежных, рассказать парочку душещипательных историй? Получить за это наконец определенную сумму на счет? Я знаю, вы в отпуске, поэтому можете совершенно официально заключить краткосрочный договор. Ваша репутация не пострадает.

– А если я откажусь? – процедил Кидди.

– Если откажетесь? – Хаменбер усмехнулся. – Вас караулили возле квартиры отца двенадцать групп. Вы сумели от

них уйти. К счастью, у этой мелкой репортерской рыбешки не все в порядке с мозгами, а я рассчитал ваш примерный маршрут. С вашим характером я ничего не ждал, кроме того, что вы в первый же день решите оформить отношения с собственным начальством! Где же еще вас ждать, как не у административного центра? Только не думайте, что я один такой умный. Рано или поздно они вас достанут и начнут преследовать, сменяя друг друга, пока вы не решите, что с этим надо завязывать. Зачем же дело доводить до крайности?

– Бросьте врать! – Кидди в бешенстве стиснул предплечье толстяка. – Какое право вы имели меня сканировать и пеленговать?

– Такая работа! – вскрикнул от боли Хаменбер. – У меня такая работа. По-другому ее сделать невозможно. Зато я честен.

– Честен? – удивился Кидди.

– Ну решайтесь, – с гримасой потер руку Хаменбер. – Канал TI200, аудитория – три миллиарда. Если мы сговоримся, прочие даже подойти к вам побоятся! Я даже сумею приставить к вам охрану!

– Мне не нужна охрана! – стиснул зубы Кидди. – Мне нужен покой и отдых! У меня и без вашего TI200 проблем по горло!

– Каких проблем? – оживился Хаменбер, оглядываясь на идущих по тоннелю людей. – Это как-то связано с компрессией?

– Это связано лично со мной, – оборвал толстяка Кидди. – Я не согласен. А вам искренне советую пригласить кого-нибудь из корпорации. Они, по крайней мере, смогут рассказать вам о своих планах.

– Будет человек из корпорации, – вновь ухватил за рукав Кидди Хаменбер. – Руководитель департамента будет, Стиай Стиара. Но вы тоже необходимы. Тем более что Стиай настаивал на вашем участии!

– Нет! – отрезал Кидди.

Стиай уже хозяйничал у решетки. Он широко улыбнулся и Кидди, и Сиф, только глаза у него были пустые. Точно такие, как перед боем на первенство академии, когда он стоял перед крепким парнем со старшего курса, который до этого дня слыл непобедимым. «В глаза ему смотри, Сти!» – рычал сквозь гул зала за спиной Стиая Рокки, но его подопечный ничего не слышал. Он смотрел сквозь соперника, словно тот был пузырем из-под тоника, и что Стиай видел за его спиной, он так потом и не смог объяснить. Или не захотел. «Бесноватый», – прозвали после того боя Стиая в академии, хотя он никогда не терял самообладания и не потерял его, даже уничтожив еще в первом раунде соперника. Спокойно остановился, едва тот упал на колено, и отошел в сторону, прикрыв длинными, почти девичьими ресницами прозрачный взгляд. Вот и теперь он смотрел не на Кидди или Сиф, а на кусок холодного берега, что остался у них за спиной.

– Как водичка? – бодро поинтересовался Миха, словно пытался расшевелить окаменевшую рядом с ним Монику. – Когда вы успели искупаться? Кидди, ты в очередной раз оказался ловчее всех! И как твое чувство бездны? Как тебе твой сон?

– Ты что-нибудь почувствовал... там? – спросил Билл. Кидди медленно опустился в кресло. Внезапно он понял,

что было общим и там, когда он осознал себя сидящим на горячем песке, и здесь, когда открыл глаза в кресле, поднялся и тут же схватился за пузырь с тоником, — он падал! Он стремительно летел в пропасть, с трудом удерживаясь, чтобы не свалиться с ног, но падал он вместе со всем миром и вместе с пышущей жаром пустыней сна, и теперь вместе с известковыми холмами, серым океаном, сырым ветром и даже домом, который силился взлететь, но стальные спицы крепко удерживали его и тоже тянули вниз. Он падал в пропасть, стремительно и безостановочно, с мгновения своего рождения, точнее, с того мгновения, когда он сам, Кидди, сын неудачливого отца и погибшей матери, постоянный воспитанник чужих людей, осознал самого себя. Какие уж тут сны, страшно подумать, куда он проваливался, засыпая. Отчего же эта раскаленная пустыня не раскрыла свои недра, а удержала его на поверхности, устремясь в бездну вместе с ним. И отчего теперь, в это самое мгновение, он не проваливается сквозь землю?

— Ты что-нибудь почувствовал? — повторил вопрос Билл.

— Ничего, — ответил Кидди. — Впечатления сами по себе оказались слишком яркими.

— А искры, ты видел искры? — прищурился Билл. — Искры чужих сновидений видел?

— Нет, — вздохнул Кидди. — Там было слишком яркое солнце. Оно слепило меня.

Помощник министра Джон Бэльбик оказался наяву не солидным седовласым стариком, которого раз в неделю видел на экране ведомственной конференции Кидди, а аккуратным служакой роста ниже среднего. Его неожиданно маленькая голова смешно выглядывала из форменного воротника, украшенного золотой окантовкой. «Натирает шею, наверное», – подумал Кидди и тут же понял, откуда у него бывшее ощущение величия от недомерка-чиновника. И блок-файл, и стакан с водой на столе, и сам стол были карликовых, уменьшенных размеров, что при общении через квадраты мониторов создавало обманчивое впечатление.

– Комплексы, – явно угадывая его размышления, кивнул помощник министра. – Жизнь состоит из условностей, некоторые из них можно использовать, от некоторых следует предохраняться, но избавиться от условностей невозможно. Как тебе Земля?

– Еще не прочувствовал в полной мере, – откликнулся Кидди, усаживаясь в кресло напротив. – Я прибыл сегодня утром.

– Однако с формой уже решил расстаться? – постучал пальцами по столу чиновник.

– Маскируюсь, – пожал плечами Кидди. – Тут, как я понял, работниками прессы устроена охота на отставного тю-

ремщика.

– В отставку, значит, собрался отставной тюремщик? – вздохнул Бэльбик, соскочил со стула и подошел к огромному окну, сразу же уменьшившему чиновника еще на изрядную толику. – Понятно, понятно. За восемь лет и заядлого лунатика от Луны тошнить будет. Только ты форму-то не торопись уничтожать. Может быть, пригодится еще? Вдруг не все ладно пойдет в корпорации? Куда тогда денешься? Опять в опекунство? Время ушло. Да и не твой масштаб это. Начинать с нуля хорошо в молодости. Хотя, тебе сейчас сколько? Тридцать пять? Тридцать шесть?

– Почему вы решили, что я пойду работать в корпорацию? – не понял Кидди. – В моем рапорте не было ни слова о моих дальнейших планах.

– Ну так пойдешь? – прищурился чиновник и продолжил, возвращаясь к столу: – Пойдешь... Куда ты денешься? Не теперь, так позже... Они своего добиваться умеют... Ведь ты знаком со Стиаем Стиара?

– Учились вместе, – кивнул Кидди.

– Вот он тебя и уговорит, – усмехнулся чиновник. – Он пообещал, что уговорит. Поработаешь у него, а как тошно станет, возвращайся. На Луну не пошлем, на Земле тоже работы хватает.

– Я не собираюсь идти работать в корпорацию «Тактика», – твердо сказал Кидди. – Мне на Луне хватило общения с ее представителями. А способности Стиара уговари-

вать, насколько я понял, подтверждаются секретными приказами об изменении программы испытаний. Осталось только понять, откуда такая заинтересованность управления в этой программе?

– Заинтересованность оттуда, – ткнул пальцем в потолок помощник министра, затем усмехнулся и поправился: – Из правительства. Из Государственного совета. У нас, как ты понимаешь, заинтересованности снижать самим себе финансирование – нет. А оно снизится, прилично снизится, если вся эта программа запустится и преступный элемент пойдет потоком через компрессию.

– Я бы не спешил с выводами, – заметил Кидди.

– А я и не спешу, – вновь нервно постучал пальцами по столу чиновник. – Время у нас есть, программа испытаний сокращена, твоими стараниями, кстати, но пять лет у нас еще имеются. Как они тебя уломали ходатайствовать о сокращении? Не узнаю тебя, парень!

– Я что-то нарушил? – поднялся на ноги Кидди.

Отчего-то этот момент сотрудничества с Котчери заставлял его морщиться даже перед самим собой. Слишком гладко все произошло. Настолько гладко, что походило на срежиссированный сценарий, в котором старшему инспектору Гипмору была уготована жестко расписанная роль. Неделя в компрессии, которая никак не напоминала яркое видение, устроенное несколько лет назад Уильямом Буардесом, но тем не менее была реальной и жесткой в этой реальности.

Кидди так и не попробовал пересечь жаркую степь, ни шага не сделал в сторону недоходимых гор. Глаза ухмыляющегося Котчери чудились ему даже в белесом небе. А еще чудился Ридли Бэнкс. Его не было рядом, правила внутреннего распорядка на куске пластика на стене посеченного ветром здания были девственно чисты, но каждый вечер Кидди тщательно заклинивал железную решетку в свою камеру, а каждое утро напряженно всматривался, нет ли на стене накорябанных Ридли отметин. Семь дней, похожих друг на друга, как серые яйца в брошенном степной птицей гнезде, которые Миха однажды притащил в их комнату в университетском городке и пытался спасти, нагревая под лампой. Сти-ай их выбросил безжалостно. Миха так и не узнал, кто это сделал. Все-таки не обманул Котчери, не включил отбой памяти, может, потому и поставил Кидди подпись под двумя документами? Один подтверждал, что техническая часть испытаний завершена. Второй всего лишь уведомлял, что майор Гипмор не возражает против рассмотрения вопроса о сокращении последующей программы. Черт его знает, сыграла роль та подпись или нет, но помощник Котчери Келл со вполне убедительной ухмылкой прошептал Кидди, что в качестве отбоя памяти могла быть и версия о том, что Кидди отправлен в заброшенную зону за действительное преступление! Прошептал за полчаса до подписания официальных бумаг, заставив всплыть в памяти вспухающий среди норвежских скал бутон нестерпимого пламени.

– Нет! – успокаивающе махнул рукой Бэльбик. – Я смотрел их ходатайство, ты всего лишь не возражал. Мне показалось, что у тебя просто не было причин для возражений. Они правильно рассчитали, другой бы на твоём месте попортил им нервы, а с тобой они угадали. Ну не хмурься. В каждом управлении должен быть хоть один безупречный работник! И это может однажды принести пользу. Через компрессию прошли пятьдесят человек, каждый из них находится под наблюдением, любой срыв, любое отклонение от обычного адаптационного периода могут послужить для удлинения испытательного срока или вовсе остановить программу. Если надумаешь остаться, эта работа будет твоей. Подумай.

– Подумаю, – кивнул Кидди. – Но пока я хочу отдохнуть. Привыкнуть к Земле. Я, собственно, зашел поблагодарить вас, попрощаться и определиться по поводу положенного содержания.

– Ну прощаться подожди, – расплылся в улыбке чиновник, – подожди, дорогой мой, тем более что есть тут к тебе еще один интерес. Благодарить не ты меня, а я тебя должен. А с содержанием у тебя все в порядке. И домик, и пенсия на высшем уровне. В департаменте обеспечения тебя ждут, оформление уже заканчивается. Будешь приятно удивлен, но благодарности все не мне, а опять же твоему бывшему сокурснику Стиаю Стиара. И не хмурься! Никакого нарушения законодательства, все пожертвования официальные и мотивированные! Понял, майор Гипмор?

– Так точно! – выпрямился Кидди.

– Ну каблуками не щелкай, не в форме. – Чиновник стер с лица улыбку. – Если бы не твой домик, я бы с большей уверенностью сказал, что ты непременно вернешься в этот кабинет. Хотя, пообщавшись тут с господином Стиара...

– Почему вы решили, что мне станет работать с ним тошно? – спросил Кидди. – Вопрос из чистого любопытства. Я не собираюсь с ним работать.

– Взгляд у него противный, – прищурился чиновник. – Хотя, у меня не лучше. А у кое-кого и еще противнее. В финансовом отделе тебя господин Снаут ждет. Ты поговори с ним несколько минут, да прислушайся к его словам. Это очень полезно, очень! У тебя как дела с семьей? Да знаю, знаю я, что ты холост! Девчонка есть какая-нибудь? Пора уж заводить, пора!

Когда-то Кидди считал, что ему везет с женщинами только потому, что он очень хочет, чтобы ему с ними везло. Он думал, что лучший способ ухаживания – это искренность и уважение. Это было самое простое и действенное – не врать. О неприятном лучше умалчивать, об остальном врать не следует. Если ты хочешь женщину, пусть даже она лишь недавно перестала быть сопливым подростком, самое лучшее – так ей и сказать. Ему казалось, что где-то внутри него таилась неутоленная жажда по женскому теплу и вниманию, которая оказывает магнетическое воздействие на женщин. Впрочем, он думал так и еще до первого сексуального опыта. Он относился ко всем без исключения женщинам как к неземным существам. Даже тогда, когда в силу возраста взрослеющие обитатели пятиместной квартиры университетского городка все разговоры сворачивали на девчонок, Кидди смеялся над сальными шуточками только за компанию. Он смеялся, но с трепетом ждал не только первой близости, но и любви, которую исподволь готовил в собственном сердце. На его счастье, она не нашла достойного применения. Девчонка, которая позволила ему испытать мужское естество в деле, оказалась чересчур цинична, даже если эта циничность была тщательно отрепетированной маской. Она с показным равнодушием дождалась, когда он перестанет пыхтеть, вытерлась его

же рубашкой, поднялась с растерзанной кровати и вернулась к застолью, от которого несколько минут назад оторвалась с большой неохотой. Через полчаса после ее ухода в квартиру вернулись улыбающиеся друзья Кидди.

– Ничего-ничего! – похлопал его по плечу Миха.

– Надеюсь, ты ее не обидел? – строго спросил Рокки.

– А она тебя? – полюбопытствовал Брюстер.

Стиай, все еще худой и неуклюжий, но уже обстоятельный и целеустремленный, взял Кидди за плечо и вытолкнул на кухню. Там он бросил ему пузырь сока и сел напротив.

– Я не буду ничего у тебя спрашивать о том, как и что ты делал с этой девчонкой, – сразу же предупредил он напрягшего скулы Кидди. – Я просто скажу тебе то, что думаю. Это важно! – предупредил он протестующий жест Кидди. – У тебя не было матери, и хотя мать советчицей быть не может, но ты мало дышал женщиной. Это плохо, Кидди. Я скажу почему. Твоя душа хочет тепла. А когда душа хочет тепла одновременно с тем, что хочет друг в твоих штанах, человек по имени Кидди может легко ошибиться. Я позвал сегодня в гости не самую лучшую девчонку. Такую, чтобы сложно было в нее влюбиться. Хотя ведь таких большинство. Меня так учил отец. Он мне говорил: много ли среди твоих друзей парней с крепкими плечами, плоским животом, длинными ногами и прямой шеей? Я ему ответил, что не приглядываюсь к парням, но в команду легкоатлетов подойдет один из десяти, хотя результатов достигнет один из ста. «Так вот, – сказал мой

отец, — среди девчонок достаточно смазливых и хорошеньких, но в команду, которую тебе захочется тренировать, подойдет одна из десяти или из ста. Но даже из избранных ни одна может тебе не подойти. Не хватайся за первую попавшуюся, ты можешь прикипеть к ней так, что отрывать с кровью придется, но выиграть она тебе не поможет. Переспи с десятью. Дай себе зарок переспать с десятью, и только потом задумывайся не над тем, кто тебе нравится больше, а с кем из них ты был бы готов прожить всю жизнь! И я уверен, что тебе захочется отогнать эти мысли и познакомиться еще с парой десятков, ну или хотя бы подумать над выбором еще лет десять!»

— А ты не задумывался о простом? — Кидди постарался говорить спокойно, хотя тошнота все еще стояла у него возле горла. — Ты не задумывался о том, что когда ты доберешься до второго или третьего десятка, то поймешь, что твоим счастьем была, к примеру, третья, но она уже выскочила замуж, да и думать забыла про тебя?

— Задумывался, — ухмыльнулся Стиай. — Только тут ведь как: если она и в самом деле твое счастье, то твоим и останется, а если замуж выскочила, так не твое уже, о чем горевать?

— Не нравится мне это, — опустил голову Кидди. — Все-таки не билеты на экзамене тащим.

— Так ты и не на экзамене, — поднялся Стиай. — Ты на практике! И они, кстати, тоже! Эта вот обжора практику, считай,

провалила, хотя и она мечтает, наверное, о ком-то. С другой стороны, я видел такую же, которая тоже только ноги раздвигать и в потолок смотреть умела, а потом попала в хорошие руки, под села на спортивные танцы, теперь на нашего брата смотрит как на пузыри с тоником в баре. Ты главное пойми, мне отец сразу добавил, пока я исключительностью своей проникнуться не успел. Так и сказал: будь у него дочь, он ее этими же словами бы так же наставлял. Правда, добавил бы чуть-чуть о том, что на пороге со всяким переговорить можно, а в дом пускать только того следует, кого выгонять сразу не захочется.

Было что-то в Стиае основательное. Он умудрялся, как и Кидди, оставаться одиночкой, но вместе с тем никогда не отрывался от компании, каким-то странным образом оказывался во главе любого начинания. Советов он Кидди больше не давал. Они ему и не требовались. Хватило одного, которым Кидди постарался воспользоваться со всем тщанием, который и был еще одним источником того самого «везения» с женщинами. Он начал дружить сразу со многими, и в этом общении с множеством, которое он отбирал прежде всего не по внешней привлекательности, а по какой-то отзывчивости и открытости, ему удавалось и со многими сближаться, и легко уходить от близости, и вообще чувствовать себя легко, поскольку состояние дружбы как бы само собой перечеркивало возможную любовь, потому что переспать с симпатичным другом казалось многим девчонкам вполне

возможным, а переходить к любви – чего ради? Дружбу ради этого ломать? А стоит ли оно того? Не слишком ли добр со всеми и легкомыслен по отношению к себе этот на первый взгляд замкнутый, хоть и вечно улыбающийся паренек? Хотя, кто его знает, что они думали о нем на самом деле? Моника уж точно думала нечто другое. Она потянула на себя Кидди уже на второй встрече, вскоре устроила глупую сцену ревности, чем вынудила Кидди демонстративно заняться ухаживанием за ее подругой. Впрочем, Ванда быстро смекнула, что от Кидди она вряд ли дождется хотя бы какого-то постоянства, и начала тормозить зубрилу Брюстера, но дело было сделано. Моника так же демонстративно взялась за Миху. Она была слишком красива и самолюбива, чтобы вписываться в предостережения Стиая. А Миху их, скорее всего, вовсе не слышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.